

Дорогу новаторам!

В речи на приеме работников высшей школы товарищ Сталин говорил:

«Наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему». И далее товарищ Сталин указывал, что бывает и так, когда новые пути в науке и технике прокладывают не общезвестные в науке люди, а «простые люди, практичные, новаторы дела».

Передовые стахановцы нашей страны принадлежат к категории таких практиков, новаторов дела, которые благодаря настойчивости и энергии добиваются новых, более высоких темпов в работе, новых скоростей, а следовательно, убыстряют ход общего нашего движения вперед, к коммунизму.

Советские люди — беспокойные люди в лучшем значении этого слова. Они смело вступают в борьбу со старыми, отжившими традициями, они решительно, по-стахановски, ломают эти традиции, зная, что во всенародной решимости работать творчески, работать по-новому — наша сила и крепость, залог наших успехов на трудовом фронте.

Александр Иванов и Николай Росийский, Герасим Запорожец и Мария Волкова, Василий Матросов и Андрей Якушин своей деятельностью доказали, что тот, кто дерзает, тот всегда побеждает! Вот почему так много последователей нашлось у Росийского и Якушина, вот почему опыт Запорожца и Волковой стал достоянием миллионов, вот почему с таким уважением произносятся советские люди имена Ивана и Матросова.

Именно потому, что так ценится в нашем социалистическом государстве все новое, прогрессивное, передовое, именно поэтому всякое проявление косности, консерватизма, рутинности в любой отрасли народного хозяйства вызывает законное негодование советских людей.

Недавно в нашей газете была опубликована статья, в которой говорилось о том, что ценные открытия советских инженеров-полиграфистов не находят применения в производстве. В прошлом номере «Литературной газеты» было напечатано письмо главного инженера рижского стекольного завода «Красная Даугава» тов. Чердынченко, озаглавленное «Новаторы побеждают консерваторов».

«Я не могу пожаловаться, что мой, например, опыт держится в секрете. О нем сказано и написано много», — отмечал, между прочим, в своем письме тов. Чердынченко.

Действительно, о рекордах рижских стекольников было написано много статей и очерков. Но почему же рекорды рижан оставили равнодушными тех людей, которые по долгу службы должны, казалось бы, в первую очередь повести борьбу за

внедрение нового опыта в производственные будни всех стекольных заводов?

Товарищ Сталин учит нас, что существо социалистического соревнования состоит в том, чтобы догонять лучших и добиваться общего подъема. А между тем, в то время как рижане уже больше года работают со скоростью вытягивания стеклынной ленты 120—130 метров в час, в то время, как на многих других заводах благодаря энергии рабочих и инженеров эти скорости уже достигают 80—100 метров, Главстройстекло собиралось запланировать на нынешний год для стекольной промышленности скорость значительно меньшую. Позволено спросить: собирается ли Главстройстекло работать заводов так, чтобы догонять лучших и добиваться общего подъема?

Сегодня, в пору вдохновенной борьбы за выполнение и перевыполнение последнего пятилетнего плана, все наши люди — от министров до рядовых рабочих — должны быть вооружены ленинско-сталинской нетерпимостью к тем, кто своей ленью, неповоротливостью, консерватизмом объективно тормозит движение советского общества вперед.

Всякое сопротивление новому, прогрессивному противоречит коренным интересам социалистического государства. Тот, кто мешает внедрению нового, кто, ссылаясь на всякие объективные причины, препятствует освоению передового опыта новаторов производства, — тот совершает антипатриотический поступок, ибо советский патриотизм выражается не в декларациях, а в практической деятельности, в творчестве, в неутомимом движении вперед.

Шире открывать пути новаторам, поддерживать их, непреклонно внедрять новое, беспощадно бороться с рутинерией и консерватизмом, — этого требуют миллионы советских людей, кровно заинтересованных в укреплении и росте советского государства.

Хорошее, полезное дело сделала бригада московских писателей, побывавшая недавно на Балахнинском бумажном комбинате. Писатели выяснили, что на комбинате уже в течение полутора лет применяется новый метод производства при варке целлюлозы. Эффективность нового метода, разработанного группой инженеров Балахнинского комбината, была подтверждена на практике. Но на других предприятиях страны о нем не знали даже понаслышке. По инициативе писателей вопрос о внедрении метода балахнинцев в производственную практику других предприятий поставлен в Министерстве целлюлозной и бумажной промышленности.

Новое рождается в поисках, в борьбе, новое служит делу строительства коммунизма. За это новое против старого, отживающего, против косности и консерватизма передовые советские люди на наших фабриках и заводах, на колхозных полях и в научных лабораториях ведут решительные бои.

Шире дорогу новаторам, борцам за прогресс науки и техники, за расцвет социалистической культуры!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 8 (2391)

Среда, 28 января 1948 г.

Цена 40 коп.

Цена улыбки Веры Скарборо

Письмо в редакцию

Прочитав в «Литературной газете» от 21 января письмо группы московских металлургов под заглавием «Хвастовство нищих», мы решили посмотреть газету «Британский союзник». Взяв тот же номер, первый за этот год, где были напечатаны басни об английских «рекордах» в металлургии, мы нашли заметку под названием «Возвращение на завод».

Со страниц «Британского союзника» смотрит улыбающаяся работница, нагруженная... ровницей. Это нас немного удивило. На наших фабриках транспортника ровницы производятся на специальных тележках.

Дело, однако, не в этом. То, что мы прочли в «Британском союзнике», нас буквально потрясло. Мы знали, что английским рабочим живется тяжело, что все обещания лейбористов оказались только обманом. Но мы не думали, что английским рабочим живется так тяжело! «Британский союзник», видимо, и сам не подозревал, какую горькую правду он рассказывает о жизни английских рабочих.

Впрочем, займемся фактами, о которых рассказывает на страницах «Британского союзника». Четвертая домашняя хозяйка, большей частью жен горняков из города Виган (Ланкашир), как рассказывает «Британский союзник», по вечерам, после домашних работ, отправляется на текстильные фабрики. Кампания за привлечение на производство домашних хозяек проводится по модным теперь в Англии лозунгам увеличения экспорта.

Однако «Британский союзник» почему-то не приводит ни одного примера, когда бы женщины из состоятельных слоев пошли работать на фабрику. В заметке речь идет только о женах горняков.

Нет, не ради высоких целей идут домашние хозяйки Англии на текстильные фабрики, а лишь для того, чтобы как-нибудь свести концы с концами. Только из-за этого они после целого дня домашних хлопот отправляются в длительное путешествие (восемь километров!) на фабрику. «Некоторым женщинам», — рассказывает «Британский союзник», — приходится преодолевать свыше 8 километров от дома до предприятия, и все же прогулок почти не бывает.

Автор не разъясняет, почему не бывает прогулок: что это — «высокая сознательность» или же тяжелая нужда? Однако из дальнейшего становится более чем ясно, какие же мотивы заставляют домашних хозяек пять раз в неделю отдавать свое вечера фабрике, совершая такие большие переходы.

У двадцатитрехлетней Марион Моргил, матери девятилетнего ребенка, — рассказывает «Британский союз-

ник», — очень продолжительный и загруженный рабочий день — начинается он без четверти пять утра. К этому времени она должна приготовить завтрак уходящему на рудник мужу.

«Вере Скарборо», семья которой состоит из двух малышей — четырех и полутора лет и мужа, работающего на шахте, приходится самой стирать, закупать все необходимое, вести хозяйство и выполнять всю домашнюю работу.

«Британский союзник» утверждает, что Вера Скарборо (это именно она изображена улыбающейся на одном из снимков) очень «нравится быть снова среди девушек», что ей удается так распределить свое время, что мужу совершенно не приходится заниматься хозяйством. Правда, она рассчитывает, что к ее приходу с работы муж приготовит ей чашку горячего чая.

Что же остается с детьми, пока Вера Скарборо и другие домашние хозяйки помогают «экспортной кампании»? «Британский союзник» спокойно сообщает, что «их мужья, в большинстве горняки, бывают вынуждены иногда сами присматривать за детьми».

А вот Алиш Ашкрофт вынуждена была предупредить мастера, что «она не придет на работу неделю две, до тех пор, пока ее сестра снова не сможет присматривать за ее ребенком». Неожиданно оказывается, что вовсе не экспортный зуд толкает эту женщину, а самая простая нужда, забравшаяся в дома английских горняков и текстильщиц. «Я не хочу бросать работу», — сказала Алиш Ашкрофт, — потому что деньги, заработанные здесь, выручают, являясь ценным дополнением к тем пяти фунтам стерилингов, которые получает муж, работающий подручным шахтера».

Картина, стало-быть, такая: заработная плата английских шахтеров не дает необходимых средств к существованию. Их жены по вечерам, после целого дня забот и тяжелых домашних работ, вынуждены ходить на дополнительные заработки на текстильных фабриках. Детей девять некуда — никаких детских садов и яслей, как видно по «Британскому союзнику», и в помине нет. Матери оставляют детей на попечение мужей, только что закончивших работу на шахтах.

Из заметки мы узнали также, что рабочий день мастеров-текстильщиков продолжается двенадцать часов.

После всего этого чего стоят прикрасы автора заметки, расписывающего,

как «три раза в неделю фабрику посещает специалист по лечению мозелей, который бесплатно обслуживает весь фабричный персонал».

Прочитав заметку в «Британском союзнике», мы сравнили тяжелую и безрадостную жизнь английских рабочих с нашей жизнью. Наша фабрика «Красные текстильщики» — лишь одна из многих советских фабрик, и притом небольшая. Но и она имеет свой детский сад, свои детские ясли. Не было еще случая, чтобы кому-либо из работников было отказано в определении детей в детские учреждения. При детском саде имеется ночная группа, где матери могут оставлять детей на всю неделю. Летом ребят вывозят за город — там они находятся с мая по сентябрь. Мы не будем рассказывать о наших амбулаториях, врачебных пунктах. Об этом всем известно. Наши работники получают отпуски и путевки в дома отдыха и санатории.

Остается еще сказать о наших заработках. Я, Скибина, относительно молодая ткачиха, мой заработок достигает теперь полутора тысяч рублей в месяц. В марте 1947 года я заработала 1.054 руб., в июне — 1.447 руб., в ноябре — 1.458 руб., в декабре 1947 года — 1.448 рублей. Такой же заработок и у Семеновой. Еще более высокий заработок у помпонишских мастеров — он составляет в среднем около 2.000 рублей, а такие мастера, как Марченко, Кузнецов, Малинин, вместе с прогрессивной оплатой получают в месяц около 5.000 рублей каждый.

Мы имеем возможность заниматься в послеобеденное время общественной деятельностью, повышением своего культурного уровня. Меня, Скибину, недавно избрали депутатом Московского городского совета, а ведь мне всего 22 года, и лишь четыре года назад я приехала из деревни Рязанской области!

Вот мысли, которые пришли нам в голову, когда мы прочитали с виду невинную, дидактическую заметку в «Британском союзнике». Газета, — не имея, конечно, такой цели, — рассказала жуткую правду о жизни английских рабочих и неуважко пыталась украсить ее рассказами о лечении мозелей и тому подобными благоглупостями.

Прочитав заметку, мы вновь стали рассматривать фотографию и подумали, что Вера Скарборо стоило бы сделать усердней веселее лицо...

Е. СКИБИНА — ткачиха фабрики «Красные текстильщики», депутат Московского городского совета.

Ю. СЕМЕНОВА — ткачиха фабрики «Красные текстильщики», МОСКВА.

На фронтах национально-освободительной борьбы ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В КИТАЕ

В течение последнего месяца Народно-освободительная армия добилась новых серьезных успехов в Маньчжурии, в Северном и Центральном Китае.

Народные войска, действующие в Маньчжурии, продолжают наступление на Мукден и в районе Чанчунь—Гирин.

К северо-западу от Мукдена части Народно-освободительной армии форсировали Ляохэ и создали предместное укрепление на южном берегу реки, в 25 километрах от города. Ожесточенное сражение происходит в районе железнодорожной станции Синьлянтун. Народные войска ведут наступление на Инкоу. Мукден испытывает острую нужду в продовольствии. Как сообщают, началась эвакуация на самолетах гоминдановских чиновников и их семей из города.

Одновременно с наступлением на Мукден народные войска активизировали операции в районе Чанчунь—Гирин.

Военное положение гоминдановцев на маньчжурском фронте обостряется с каждым днем. Они еще удерживают туго обороняемый коридор Гирин — Чанчунь—

Мукден. Но практически гоминдановские части, действующие в этом коридоре, изолированы от своих войск, находящихся в Северном Китае, так как движение по единственной магистрали, соединяющей Мукден с внешним миром, — Байинь-Мукденской железной дороге, — постоянно нарушается народной армией. Дорога фактически бесдействует.

В Северном Китае войска Народно-освободительной армии вновь улучшили свои позиции. Они продолжают активные боевые действия в стратегическом треугольнике Тяньцзинь—Байинь—Валун. Валун окружен. Крупные силы китайской народной армии ведут бой в районе Байина. Ее войска пересекли железную дорогу Тяньцзинь—Пукоу и заняли железнодорожную станцию Тангуантунь — важный пункт в системе обороны Тяньцзиня. Продолжается продвижение к порту Дагу.

В новгородней речи Чан Кай-ши указал на операции в провинции Шаньси, как на особый успех гоминдановцев. В действительности же гоминдановские войска в этой провинции изолированы в нескольких городах, в их числе — Яньань.

На Шаньцзюньском полуострове Народно-освободительная армия зашла в клещи с юго-запада и юго-востока порт Чунфу. Успех Народно-освободительной армии в этом районе способствует обстоятельству, что гоминдановцы недавно были вынуждены перебросить свои войска с этого участка фронта на северо-восток.

Операции в Северном Китае тесно связаны с действиями на Мукденском фронте. Судьба Мукдена решит судьбу Маньчжурии, а падение Маньчжурии, в свою очередь, поставит в безнадёжное положение гоминдановские войска, сражающиеся в районах Тяньцзиня и Байина.

Это признается и гоминдановские правительством. Так, на днях Чан Кай-ши заявил: «Китай (речь идет, конечно, о гоминдановском Китае. — О. П.) не может существовать без Северного Китая и Северный Китай не может существовать без северо-востока».

Явно угрожающий оборот приняли для гоминдановцев события в Центральном Китае. В межцехуе Хуанхэ и Янцзы разгорается бой крупных масштабов.

Народно-освободительная армия ведет операции на широком фронте, непосредственно примыкающем с востока к гоминдановской столице — Нанкину. Развивается наступление в направлении Синянь—Ханькоу. Интун бои в районе Ляохэюу. Столицей провинции Хэньань—Кайфын почти полностью изолирована. В ряде районов народные войска достигли северного берега Янцзы. Занято несколько городов между Ханькоу и Аньшином (главный город провинции Аньхуэй)—Гуанчунь, Тайху, Иншань и другие.

Народно-освободительная армия господствует в стратегически важном Дабешанском горном районе, на границе провинций Хубэй и Хэньань. Это дает возможность народным войскам постоянно расширять район боевых действий. Они ведут бой в районе Люхэ, близ Нанкина, прорываются через Янцзы в южные провинции Китая, вторглись в провинцию Сычуань.

Операции Народно-освободительной армии создали непосредственную угрозу для гоминдановских политических центров — Нанкина, Шанхая и Ханькоу, дезорганизовали судоходство по Янцзы, важнейшей магистрали, связывающей плодородные районы Западного Китая с городами восточного побережья, и угрожают южным рисопродуцющим провинциям Китая.

Победа Народно-освободительной армии увеличивает разброд в рядах гоминдана. В январе этого года в Гонконге была опубликована программа так называемого «революционного комитета», созданного «демократической группой» гоминдана. В программе провозглашается борьба против Чан Кай-ши. Таким образом, часть членов гоминдана заранее стремится обеспечить свои позиции, предавая неизбежный крах режима Чан Кай-ши.

КНИГИ ГЕРОЕВ

Государственное издательство сельскохозяйственной литературы начало выпускать серию брошюр о производственном опыте мастеров социалистического земледелия.

Первые выпуски серии — брошюры Героев Социалистического Труда колхозника Марка Озерного, директора зерносовхоза «Гигант» Ф. Бойко и уральского колхозника А. Рубцова — вышли в свет.

Серия издается под научной редакцией действительного члена Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина проф. И. В. Якушина. Тираж каждой книги — 200—300 тысяч экземпляров.

Первый съезд Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний

26—27 января в Московском доме ученых происходил первый съезд Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Присутствовавшие на съезде делегаты представляли 15 республиканских обществ и 18 отделений Всесоюзного общества, созданных в городах Российской Федерации. Среди них известные во всей стране ученые, общественно-политические и военные деятели.

Съезд открыл председатель правления общества — академик С. И. Вавилов. С докладом об итогах деятельности общества в 1947 г. и о плане работы на 1948 г. выступил заместитель председателя правления академик М. Б. Митин.

Прошло всего полгода, как по инициативе передовых научных, общественно-политических, военных деятелей, деятелей литературы и искусства создано Всесоюзное общество. За это время оно стало широкой организацией с более чем 6.000 действительных членом — индивидуальными и коллективными, с разветвленной сетью филиальных республиканских обществ и отделений.

Партия и правительство, сразу же поддержавшие инициативу советской интеллигенции, оказавшую всемерную помощь обществу. Принятый урядительным собранием устав утвержден Советом Министров СССР, обществу передан крупнейший в стране Политехнический музей, оказаны меры материальной помощи, передан научно-популярный журнал «Наука и жизнь».

За время своей деятельности общество достигло немалых результатов. Созданы и действуют 17 секций по различным областям знаний. Около 6.000 лекций было прочитано за это время. Их прослушали более 1 млн. человек. Обширна и разнообразна тематика прочитанных лекций. Издано 66 брошюр — стенограмм публичных лекций общим тиражом 6.735.000 экз. Положено начало активного участия в деятельности общества действительных членом коллективов, в числе которых имеются крупнейшие общественные, научные, культурные и государственные организации и учреждения.

Полугодовой опыт работы выявил также и слабые стороны деятельности общества: недостаточная посещаемость лекций вследствие не всегда удовлетворительной организации слушателей, не все члены активно участвуют в работе общества.

В 1948 году общество подготовит 800 новых лекций по различным областям знаний, отражающих важнейшие задачи, поставленные перед советским народом, откликнувшись на крупнейшие исторические даты — 100-летие Манifestа коммунистической партии, 50-летие Первого

съезда РСДРП, лекций, освещающих богатый вклад русской, советской науки в мировую культуру и науку. Общество предполагает организовать в этом году 10.000 публичных лекций. Издательский план намечает выпуск 180 брошюр общим тиражом 24 миллиона экземпляров.

Докладчик выразил уверенность, что в ответ на огромное внимание и помощь, которые Центральный Комитет партии и правительственные органы оказывают обществу, замечательные кадры советской интеллигенции, объединенные в общество, не пожалеют сил для максимального развертывания его плодотворной деятельности в Москве и по всей стране.

В обсуждении доклада М. Б. Митина принял участие 21 чел. Проф. Мириманов (Акм. ССР), тов. Овсендер (УССР), проф. Карпачев (Свердловск) и другие рассказали о проделанной работе, указав на слабые стороны в деятельности местных организаций общества.

Съезд одобрил представленный правлением план работ и указал пути, обеспечивающие его осуществление. На вечернем заседании 27 января в торжественной обстановке происходили выборы почетных членом общества. От имени большой группы членом общества акад. С. И. Вавилова выдвинута кандидатура товарища И. В. Сталина — великого вождя советского народа, генерального руководителя Советского государства и большевистской партии, корифея марксистско-ленинской науки. С огромным подъемом и удовлетворением воспринимает аудитория это предложение. Бурная, долго не смолкающая овация выражает единодушное решение участников съезда.

С предложением избрать почетным членом общества тов. В. М. Мологова выступил акад. А. Н. Несмеянов. Присутствующие единодушно избирают верного соратника великого Сталина, выдающегося деятеля Советского государства и партии большевиков, крупнейшего представителя марксистско-ленинской науки, товарища Мологова почетным членом общества.

По предложению академика В. Д. Грекова почетным членом общества избирается тов. А. А. Жданов, соратник великого Сталина, выдающийся деятель Советского государства и большевистской партии, имеющий исключительные заслуги в деле распространения политических и научных знаний среди народных масс.

Съезд единогласно избирает почетными членами общества выдающихся советских ученых-патриотов академиков Н. Д. Зеллинского, Д. Н. Прянишникова, В. А. Обручева, имеющих особые ценные заслуги в распространении научных знаний.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ВЫСЛУШАЙТЕ РАЗВЕДЧИКОВ НЕДР»

В статье И. Фролова под этим названием, помещенной в «Литературной газете» 10 января, указывалось, что Главснаблес не выполняет своих обязательств перед геологами. Редакция получила письмо зам. начальника Главснаблеса при Совете Министров СССР тов. И. Ярмола. Тов. Ярмола заявляет: «Главснаблес подтверждает факт невыполнения поставок лесоматериалов Министерству геологии».

Главснаблес сообщает, что дано распо-

ряжение на места полностью выполнять установленный план снабжения Министерства геологии лесоматериалами на первый квартал текущего года. Тов. Ярмола указывает, что уже за 20 дней января Министерство геологии получило 155 вагонов леса, в то время как за весь IV квартал прошлого года было дано всего 204 вагона. Дальнейшие поставки леса принадлежат Министерству геологии взяты под специальный контроль.

В защиту свободы и мира!

ВЕНГЕРСКИЕ ПИСАТЕЛИ — СОЮЗУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Общее собрание Союза прогрессивных венгерских писателей шлет вам свой дружеский привет и заверяет вас в своем глубоком уважении. Союз венгерских писателей высоко держит знамя традиций свободылюбия и глубокого, подлинного искусства Петерфи Шандора, Адл Андре, Йожеф Агтла.

Пусть каждый советский писатель знает, что лучшая часть венгерских писателей осталась верна своим революционно-гуманистическим традициям. В духовной жизни венгерского народа наша литература сыграла прогрессивную роль.

Мы с уважением и благодарностью следим за вашей победоносной борьбой, вдохновляемой сталинской волей. Мы рады тому, что благодаря демократическим преобразованиям, происшедшим в Венгрии, наши крестьяне получили давно желанную землю, рады тому, что нам возвращены об-

щечеловеческие права, прежде всего — свобода слова.

Свободная печать дала возможность познакомиться с запрещенной прежде советской литературой. Вы — достойные наследники замечательной русской классической литературы.

Большую радость доставляет нам ваше творчество. Оставьте позади буржуазное изображение жизни и мира, вы образовали наши сердца образами новых людей, изображаемых человека-творца, никого не желаемого угнетать, но и не терпящего собственного угнетения. Примите за это нашу горячую благодарность.

Внимательно следя за формированием послевоенного мира, мы глубоко возмущены тем, что после второй мировой войны, основную тяжесть которой вынес на своих плечах Советский Союз, борющийся за свободу всего человечества, мир вновь

оглушают крики империалистических подстрекателей.

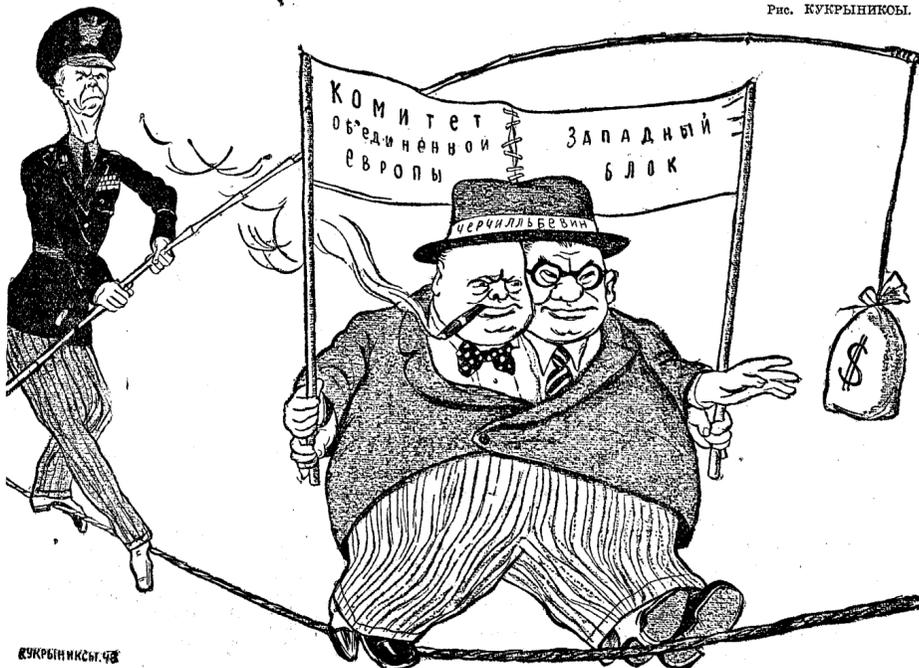
Со страниц «Литературной газеты» прозвучало проникновенное в сердце обращение советских писателей, поднявших свой голос в защиту всеобщего мира. Вместе с вами и мы поднимаем протестующий голос против новых поджигателей войны.

Свободолюбивые и ищущие правды венгерские писатели не чувствуют себя теперь одинокими. Братья наши — писатели Советского Союза и писатели стран новых народных демократий! Идея борьбы за свободу проникла во все уголки мира. Соединим же воедино наши творческие стремления и надежды, чтобы защитить свободу, честность и мир!

Гергель ШАНДОР, председатель Союза венгерских писателей, Барабан ТИБОР, генеральный секретарь.

ОПАСНЫЙ ЦИРКОВОЙ НОМЕР, ПОСТАВЛЕННЫЙ ПО ПЛАНУ МАРШАЛЛА

Рис. КУКРЫНИКОВ.

КУКРЫНИКОВ

Робер Шуман, дважды предавший Францию

Приход к власти нового премьер-министра Робера Шумана явился довольно примечательным событием в жизни Франции. В экономической области были приняты такие меры, которые разорвут как рабочего, так и служащего, как торговца, так и крестьянина — словом, все французское население, за исключением «двухсот семейств». Шуман ввел антирабочие законы, еще более диктаторские, чем существовавшие при Наполеоне III. В области внешней политики водворение Шумана на посту премьер-министра странам образом совпало с разгулом антисоветских провокаций во Франции, а также с холостым раболовием перед «зеленой бумажкой» — долларом.

Чем же замечателен сам по себе г-н Робер Шуман?

Это старый унылый господин с большим носом, глубокими морщинами, большими ушами и лысым грушеобразным черепом, одетый наподобие тех старых провинциальных бухгалтеров, которых весьма часто выводят в реалистических французских романах. Злые языки утверждают, что Шуман предпочитает карикатуры на него, опубликованные его политическими противниками, своим официальным снимкам. Впрочем, это понятие: даже самые язвительные карикатуры не способны передать все возмущительное лицемерие и холодную злобу современного «отца Граде», правящего французским народом. Эти черты значительно ярственнее обнаруживаются на его подлинных фотографиях...

Уверяют, что Шуман — скромен. Скроменность этого господина дошла до того, что, уже будучи премьером, он передал в газетный свой биограф, в которой почти ничего не говорится о прошлой деятельности. Эта своеобразная скромность имеет свои причины. Подробная биография открыла бы французскому народу ряд деталей, которые г-н Робер Шуман имеет основания скрывать.

Что это за детали?

Французская демократическая пресса, вопреки желанию г-на Шумана, дополнила его биографию штрихами, имеющими определенный политический интерес.

Стало известно, что Робер Шуман, нынешний французский премьер-министр, учился в реакционнейшем немецком университете в Гене во времена императора Вильгельма II. Он был офицером запаса в германской армии в период первой мировой войны.

Печать огласила и другие подробности, скромно объединенные г-ном Шуманом в своей биографии. В 1938 году Робер Шуман голосовал за ратификацию мюнхенского соглашения — он был тогда единственным членом своей партии, открыто одобрявшим позорный договор. Однако было бы наивно возмущаться этим теперь, когда реакционные политики, составляющие большинство во французском парламенте, считают нормальным, чтобы гнусный Даладе, подписавший соглашение, стал их коллегой. Вполне «нормально», потому,

что эти «избранники народа» согласились принять в качестве премьер-министра человека, который одобрил мюнхенский позор. Уместно отметить также, что десять лет назад г-н Шуман считал не более чем «случком бумаги» первый франко-советский пакт.

Имеется и еще одна существенная деталь в биографии председателя совета министров IV Французской республики: в 1940 году в первом правительстве изменил Петена он был «министром» по делам беженцев. «Министры» этого «правительства» голосовали за упразднение Республики, а позднее, капитулировав, выдали французский народ гитлеровским оккупантам.

Маршал-изменник окружал себя верными ему людьми. Об этом обстоятельстве писал французский посол Каммерер в своей книге «Правда о перемирии», опубликованной за три года до того, как Робер Шуман стал премьер-министром. Вот относящиеся к г-ну Шуману строки: «Петен надеялся портфелем людей, поддерживающих политику капитуляции: Ибарбарегар, Фроссара, Шумана... Это было правительство, носящее зародки диктатуры нового типа: диктатуры поражения».

По французским законам, участие в правительстве Петена считается изменой. Робер Шуман дважды изменил французскому народу: как министр Петена и как один из мюнхенских третьих Республик.

Однако ловкий политик сумел выделиться сухим из воды. Он отделался лишь легким испугом от «суда чести».

26 ноября прошлого года демократический еженедельник «Аксон» назвал министерство Шумана «правительством фон Палена». Парижский журнал подчеркнул, что международные силы реакции отводят Роберу Шуману ту же роль, какую возлагали в свое время на фон Палена: ему поручается расчистить путь для фашизма и осуществить переход от правого социалистического правительства Рамаде к настоящему «фюреру» типа де Голля.

Известный американский дипломатический диверсант Буллит подтвердил мнение, высказанное французским журналом. В опубликованной Буллитом статье, которая была зачитана даже во время прений во французской Национальной ассамблее, он рассматривает Рамаде, как «первую линию обороны» США, а де Голля, — как «последнюю линию».

Таким образом, Робер Шуман, как фон Пален в 1933 году, будет тем «стратегом», который проведет отступление от «первой» до «последней» линии.

В биографии Шумана мы обнаруживаем и другие детали, роднящие его с фон Паленом. Дело в том, что в католических кругах Робер Шуман, как и фон Пален, является представителем Ватикана. В 1940 году, когда германская полиция делала вид, что разыскивает цетовского министра и собирается его арестовать, Шуман напел убежище в католической моп-

стыях, где и отсиживался вплоть до освобождения Франции. Эта история лишней раз подчеркивает внимание католической церкви к персоне Шумана. Ватикан, выдвинувший в 1933 году на немецкую политическую арену фон Палена, начиная с 1942 года подготовлял появление Шумана на французской политической арене.

И, наконец, подобно фон Палену, Шуман тесно связан с магнатами металлургии. В 1919 году на выборах в палату депутатов Робер Шуман выступил вместе с знаменитым «торговцем пушками» Ги де Ванделем. Вместе с ним же он был избран в палату вторично в 1924 году. Позже выяснилось, что де Вандель уплатил огромные суммы, чтобы обеспечить успех списка Шумана.

Нынешний премьер Франции никогда не забывал этой услуги. Защищая интересы своих хозяев, он выступил в парламенте против проекта национализации, выдвинутого правительством Народного фронта, а в сентябре 1936 года протестовал против рабочего движения, основываясь на... «плохом эффекте», который производит это движение в гитлеровской Германии...

Таким образом, совершенно очевидна связь Шумана с представителями тяжелой французской индустрии. Чтобы не усложнять и без того сложной картины, мы не говорим об известных связях между французской и немецкой тяжелой промышленностью. Достаточно только напомнить, что половина семьи покровительствующего Роберу Шуману де Ванделя является немецкой и один из ее членов был депутатом рейхстага.

Жадный лотарингский адвокат, предатель Шуман всегда был ревностным исполнителем воли своих хозяев. Угодно и верноподданнически исполняя директивы заокеанских богатых дядюшек, председатель французского совета министров расчищает путь к власти болтливому генералу, который уже доказал свою неспособность управлять французским народом.

Президент Французской республики Венсан Орноль, когда он еще был только депутатом Консультативной ассамблеи, произнес резкие фразы по адресу лиц, которые присоединились к предателю Петену:

«Если завтра те, которые продали и залушили Республику, захотят воспользоваться свободами, которые они старались сами отнять, вы должны подняться против них, как друзья правосудия, и сказать им: Нет! Вы не патриоты; вы предатели или трусы. Убирайтесь вон!».

Сейчас господин Венсан Орноль поручил Роберу Шуману возглавить теперешнее правительство Франции.

В нынешней официальной Франции всячески облеплены имена изменников и трусов, предавших французский народ. Больше того, им, как и Роберу Шуману, с помощью заокеанских покровителей оказываются всевозможные почести. Но французский народ не забыл ничего. Он еще произнесет свое: «Убирайтесь вон!».

Фотомонтаж из французского еженедельника «Вигурьер»

Гестапо в Америке

Американская газета «Дейли уоркер» в одном из декабрьских номеров прошлого года поместила статью Арта Шилда «Гувер создает свое мощное гестапо». Эту статью, дающую представление о том, какой размах приобрела в последнее время в США деятельность тайной политической полиции, возглавляемой известным шпионом, злым врагом всего мало-мальски прогрессивного — Дж. Эдгаром Гувером, мы с незначительными сокращениями печатаем ниже.

На протяжении жизни последнего поколения феноменально выросла тайная политическая полиция Америки.

Руководитель Федерального бюро расследований Дж. Эдгар Гувер имеет сейчас в своем распоряжении в 14—15 раз больше денег, чем его бюро имело в 1920 году, когда он руководил пресловутыми «налетами на красных». Тем не менее, он постоянно обивает пороги конгресса, добываясь получения еще больших средств.

Федеральное бюро расследований, угрожающее ныне прогрессивным американцам новыми расследованиями, было неизвестно нашей республике в первые 120 лет ее существования. Вашингтон, Джефферсон, Эдвард Джексон и Линкольн обходились без него.

Секретная полиция появилась одновременно с развитием американского империализма в начале этого века. Она была создана президентом Теодором Рузвельтом (не Франклином Рузвельтом) для расследования деятельности членов конгресса, которых он не любил.

Постепенно секретная полиция разрасталась. Но в 1913 году, в первый год президентства Вудро Вильсона, ежегодный бюджет Бюро расследований, как он тогда называлось, составлял лишь 415.452 доллара.

Этот едва превышал 1 процент средств, которые сегодня расходуют сыщики, выслеживающие по приказу Эдгара Гувера «нежелательных» американцев, и профессиональные шпионы.

В 1917 году, когда Гувер был включен в платёжную ведомость Бюро расследований в качестве главного «антирадикального» агента, эта шпионская организация располагала только 617.534 долларами.

Однако в 1918 году фонды на шпионаж утроились, так как усилилось наступление правительства на прогрессивное рабочее движение.

Средства на шпионаж снова значительно возросли в 1919 году, когда Гувер стал главой нового центрального отделения службы разведки, а А. Митчелл Палмер — новым министром юстиции, известным своими «походами против красных».

В самый разгар крупнейших налетов на «красных» — в 1920 году — шпионское бюро получило 2.437.104 доллара. За одну ночь Гувер ухитрился арестовать без ордера на арест 6.000 рабочих, затравив суму, равную только 7 процентам того, что он получает сегодня.

Гувер собрал сотни тысяч персональных карточек «радикалов» с «опасными мыслями» и помог провести в том же году инсценированный судебный процесс над Сакко и Ванцетти.

«В тот мрачный период, — писал двадцать лет спустя журнал «Пью рипаблик», — Гувер составил список в поли-

миллиона лиц, попавших под подозрение, как опасные, из-за своих ультра-радикальных экономических или политических воззрений или деятельности. На каждые 60 семей, проживавших в Соединенных Штатах, приходился один, внесенный в список... Гувер на 14 лет опередил Генриха Гиммлера...»

По система личным карточек, введенная Гувером, в те годы находилась в пеленках по сравнению с миллионами фамилий, фигурирующих сейчас в его док.

Однако уже тогда в его списке значились крупные имена. Тогда, как и теперь, каждый либерал находился на учете Федеральным бюро расследований. Даже Харлан Фиск Стоун, позднее главный судья Верховного суда, числился в гуверовском списке заподозренных.

В их числе был и нынешний член Верховного суда Феликс Франкфуртер, который выступил против преследования «красных» и инсценировки суда над Сакко.

К этому времени деятельность секретной политической полиции сделалась настолько заметной, что «Американский союз защиты гражданских свобод» в 1924 году под руководством своего председателя доктора Гарри Уорда выступил с ее разоблачением.

Брошюра называлась «Шпионская система в национальном масштабе с руководящим центром в министерстве юстиции». В подзаголовке говорилось, что сообщение касается «фактов, свидетельствующих о колоссальном росте за последнее время правительственной секретной полицейской системы, занимающейся шпионажем, запугиванием, пропагандой и провокациями».

Эти факты стали еще более вопиющими сегодня, когда Гувер располагает в 15 раз большими средствами.

В конце тридцатых годов преследование рабочих усилилось. К 1940 году Гувер выделит часть средств из своего бюджета в 8.000.000 долларов на массовые аресты членов профсоюза горняков, входящего в Конгресс производителей профсоюзов, в Дагстауне, где агенты бюро сорвали забастовку.

Годом раньше гуверовские агенты проникли по улицам Детройта врачи, скрывавшие немцев. Эти люди обвинялись в том, что они подвезли медицинскому освидетельствованию добровольцев, направлявшихся в испанскую республиканскую армию.

Бюджет Гувера резко возрос во время войны. Правительство считало, что средства необходимы для обуздания фашистов. Но чем больше денег получал Гувер, тем большее число фашистов избегало преследования. Главным объектом расследований, предпринимавшихся Гувером, были прогрессивные рабочие. Да и личные выступления Гувера по радио превратились в тирады ненависти по адресу коммунистов и любых прогрессивных деятелей. Фашисты, разумеется, избежали преследований.

Теперь Гувер имеет 3.800 агентов и постоянный бюджет почти в 32.000.000 долларов, пополняемый миллионами долларов специальных ассигнований.

Он является любимцем «Национальной ассоциации промышленников» и предметом восхищения в фашистских журналах, ибо он руководит внешней кампанией по проверке «лояльности» государственных служащих.

„МОРТЕН КРАСНЫЙ“

Мартину Андерсену Нексе уже более семидесяти лет. Но писатель попрежнему не знает творческой усталости. Он не хочет жить на проценты с нажитого капитала. Пока в послевоенном мире злобствуют «клевещники и шарлатаны» всех мастей, писатель-борец продолжает наносить меткие удары. Лучшее доказательство этому — новая книга Нексе «Мортен Красный».

«Мортен Красный» заключает эпическую трилогию, монументальное повествование, посвященное всемирному повествованию датской действительности конца XIX и начала XX века. Первая и вторая части этой трилогии — «Пелле-защититель» и «Дитя человеческое». События романа «Мортен Красный» охватывают период от кануна первой мировой войны до февраля 1917 года. Несмотря на то, что нас отделяет от событий, изображенных в книге, тридцать лет, Нексе сумел связать судьбы героев с сегодняшним днем послевоенной Европы. Не случайно многие современники из числа датских и немецких социал-демократов могут узнать себя в персонажах романа.

Честный датский писатель и журналист Мортен в надежде «пополнить запасы духовной пищи» совершает поездку по Германии. Всеобщий дух милитаризма, гнусная антисемитская кампания, зоологический позывизм, пангерманская пропаганда растлила души немецких междоусобиц и лавочников. В сознании домохозяйки, у которой поселился Мортен, крепко засела мысль о «великой Германии». Как полугай, повторяет она заученные фразы о том, что «народ нуждается в кровопролитии» и поэтому «Германия не может обойтись без войны». Мортен ищет встречи с социал-демократическими лидерами, рассчитывая найти в них защитников мира. Но его ждет горькое разочарование. Вожди немецкого рабочего движения — оппортунисты давно превратились в банду политических плутов и обманщиков, спекулирующих на доверии народа.

В романе Нексе выведены разнообразные типы социал-предателей. На их фоне рельефно вырисовывается фигура датского социал-демократа Пелле — собирательный образ ренегата и двурушника деятельности II Интернационала. Сын батрака, Пелле в молодости примыкал к революционным социалистам, но затем продался буржуазной реакции. Этот ловкий демагог пытается сохранить былую популярность среди рабочих, прикидываясь другом трудящихся. Лозунг Пелле — «мирная эволюция», «врастание в капиталы».

Пелле делает блестящую карьеру, вершит темными финансовыми аферами. Любимой пеней — «порядок должен быть» — таков девиз этого «рабочего» лидера в цилиндре, фразе и манерке. Понятно, что внешне «нейтральный» Пелле на деле приветствует войну; рассчитывая на ней погнеть руки.

Политическую мимикрию Пелле разгадывает все большее число рядовых социал-демократов. Предательская тактика реформистских вождей вызывает возмущение безработного формовщика Ольсона. Он порывает с партией, в которой состоял много лет.

Вместе с Ольсоном против социал-демократических бовз выступает передовая рабочая молодежь. Знаменательно, что бунт против политической атмосферы, при которой «каждый глоток воздуха имел кислородный привкус реакции», возглавляет сын Пелле — Свей-Утхе.

Любовно рискует Нексе и другие образы простых людей Дании. Не затухевшая их отсталость и разобщенность — следствие реформистских влияний на датское рабочее движение. — он видит в них силу будущего, здоровое ядро нации.

Защите интересов датских трудящихся и посвящает свою жизнь главный положительный герой романа Нексе — писатель Мортен.

Но Мортен, имея опыт в отряпении старого мира, не смеет силой положительной программы. Деятельность его зачастую граничит с просветительством. Личная жизнь Мортена складывается трагически. Любовь к жене, пустой мечтательнице, обескровливает его порывы, накрепко привязывая к семейному очагу. Он жаждет активного действия, но в обстановке тогдашней Дании не может найти правильного пути к нему.

В предрелигиозном Мортене огромную роль играет его знакомство с русской литературой, единственно революционной литературой мира. Для первого выступления на рабочем собрании Мортен избирает тему «Горький и русская революция 1905 года». Горьковский примером он вдохновляется в своей писательской работе.

Мортен узнает с большим опозданием о конференции в Циммервальде. Впервые слышит он «вспыхнувшее на небосводе светозарным знаменем» имя Ленина, который «разделал» социал-демократических «заправил». Отныне он готов следовать за «русскими товарищами», настоящими марксистами в отличие от социал-предателей из Берлина. Прежде Мортену казалось, будто он живет в «ничьей» стране. Ветер с Востока уносит чувство одиночества. «Путь определен!» — так назвал Нексе финальную главу романа. Маяком на этом пути будет для Мортена новая Россия.

Роман Мартина Андерсена Нексе приобретает особенно актуальное звучание сегодня, когда в деле маскировки и прикрытия замыслов американского империализма особенно подлую роль играют правые социал-демократы Англии, Франции, Италии, Бельгии, Дании, Австрии. Современники Пелле отличаются от своих предшественников разве только тем, что их ничто и никогда не связывало с рабочим классом. Им не пришлось «перезабыться».

Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму. Лучшие прогрессивные писатели Запада понимают и приветствуют это. С особой силой звучат слова Мартина Андерсена Нексе: «Время принадлежит Сталину, время принадлежит коммунизму».

Мартин Андерсен Нексе. «Мортен Красный». Государственное издательство иностранной литературы, 1947 г., Москва.

Расправа с патриотом

Несколько времени назад здесь, в Москве, мы были свидетелями благородного и смелого поступка французского офицера. Подполковник Маркье, начальник французской регистрационной миссии в СССР, выступил на пресс-конференции с декларацией. Поднял высказанные в течение своей службы, он заявил резкий протест против антисоветских происков своего правительства.

Не в первый раз возмущенное сознание честных французских патриотов поднимает негодующий голос против своих растленных министров в защиту чести Франции.

Ровно полвека назад (какой замечательный юбилей!) Эмиль Золя в своем знаменитом «J'accuse!» («Я обвиняю!») перед лицом всего мира обвинил в заведомой лжи, клевете и подлогах продажное правительство Бриссона, сострапявшее гнусное дело Дрейфуса.

Во времена более близкие к нам, десять лет назад, в 1938 году, когда «махонцы» вероломно отдели народы Европы на растерзание Гитлеру, французский военный аташе в Праге генерал Фоме в знак протеста против предательства Бизона и Даладе скинул с себя опозоренный французский мундир и пошел простым солдатом в чехословацкую армию.

Недавно подполковник Маркье вернулся во Францию. И здесь правительство Шумана — Бидо совершило то, на что не решалась реакционная довоенная клика: 200 граммов хлеба с тридцатипроцентным содержанием кукурузы.

Сто миллионов франков в день обходится французскому народу война в Индокитае. Но на неопределенный срок отодвинуто восстановление разрушенных городов. Свернуто капитальное строительство и отменена постройка сети гидротранспортных и электростанций, где все еще царит после войны жестокий угольный и энергетический голод.

Рост заметен только в одной сфере деятельности французского правительства: в антисоветских акциях. Он отразился и в характерном инциденте, произошедшем недавно с московским корреспондентом правительственного агентства Франс Пресс, г-ном Шампенуа.

«Преступление» г. Шампенуа состояло в том, что после заявления подполковника Маркье он обратился к нему с письмом, где приветствовал г. Маркье за его «патриотическое, мужественное и полезное заявление».

«Вы не только эффективно помогали, — писал г. Шампенуа в этом своем письме, опубликованном впоследствии в «Юманите», — возвращению многих французских на родину, но также помогли возврату во Францию нескольких здравых идей, главная из которых — это идея, что мы не имеем права позволять — независимо от предлога и в целях какого-либо маневра — работу, направленную на разрушение франко-советской дружбы, на разрыв или превращение во что-то отжившее франко-советского договора, который, как сказал мне как-то Эррио, «начертан на карте

мире и в наших сердцах» и который является основой безопасности и независимости нашей страны».

Дирекция агентства Франс Пресс, считающая себя вправе контролировать эмоции своих сотрудников, прислала г. Шампенуа оскорбительное письмо:

«В случае, если вы действительно автор письма к подполковнику Маркье, опубликованного в «Юманите» 14 декабря, вы должны вернуться с вашим багажом».

У служащего, по мнению дирекции Франс Пресс, не должно быть личных убеждений. У служащего должны быть убеждения фирмы.

Возмущенная этим грубым нарушением прав журналиста группа иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве, обратилась в Международный ассоциацию журналистов с просьбой защитить права их коллег от действий дирекции агентства Франс Пресс, направленных, как они пишут, «не только против одного журналиста, но против самой профессии журналиста, для которого свободное выражение мнений является священным принципом».

Это письмо подписали 16 корреспондентов, представляющих в Москве шведское, чехословацкое, польское, финское, югославское, болгарское, китайское, албанское и французское прессы.

Нетрудно заметить, что в этом перечислении нет ни одного из девяти корреспондентов, представляющих в Москве печать США.

Столь красочные в других случаях, здесь они прибегают к приему, который известен в искусстве красноречия под названием: фигура умолчания.

Молчание не всегда золото. В известных случаях оно — лозь. Точно так же, как воздержание не всегда добродетель. В известных случаях оно — трусость.

Подполковнику Маркье его благородный и бесстрашный поступок стоил свободы. Г-ну Шампенуа — службы.

Нам неизвестны душевные движения девяти джентльменов, представляющих в Москве американскую прессу. Но мы довольно явственно воображаем душевные движения хозяев этой прессы.

Арест подполковника Маркье вызвал во французском народе глубокое возмущение. Общество «Франция — СССР» в своем коммюнике резко протестует против «ареста французского офицера, который выступил в защиту как дружбы, столь необходимой между Францией и СССР, так и интересов нашей страны».

Своим смелым патриотическим поступком подполковник Маркье защитил честь своей родины, продемонстрировав, что благородный, отважный, революционный народ Франции протягивает руку дружбы великому Советскому Союзу над головами оголтелой банды парижских холуев Вашингтона.

Факты без комментариев

ДЕ ГОЛЛЬ НА СТРАЖЕ ПЕТЭНА

Французский генерал Катру, командовавший в 1941 году силами «Свободной Франции» во время операций в Сирии, обратился с просьбой признать его участие в борьбе с врагами Франции во второй мировой войне. Однако, как сообщают французские газеты, Высший военный совет Франции отклонил эту просьбу в связи с тем, что он не считает теперь Петэна «противником».

Этот откровенный жест не вызывает удивления, поскольку генерал де Голль выступает теперь в качестве усердного защитника бывших приверженцев Петэна.

БЕГСТВО ОТ НИЩЕТЫ

Восемнадцать человек — мужчины, женщины и дети, как сообщает журнал «Тайм», «замученные высокими ценами и отсутствием жилища», отплыли из Лос-Анжелоса на небольшом судне на один из малонаселенных островов, находящихся на расстоянии нескольких десятков миль от побережья Панамы. По прибытии на этот остров они намерены организовать колония...

ГЕРОИ УОЛЛ-СТРИТ

В Голливуде начаты съемки нового фильма из жизни «знаменитого» гангстера Аль-Капоне. Предполагаемая стоимость нового фильма — по сообщению венской «Вельт ам монга» — миллион долларов. Это уже второй фильм о «короте гангстеров»; первый был сделан несколько лет назад.

В ПОГОНЕ ЗА РЕКОРДАМИ

Некий Альфред Несслер из Скенетеди побил новый мировой рекорд. Этот пятидесятилетний чемпион мира непрерывно на протяжении 87 минут и 55 секунд курил свою трубку, ни разу не зажгав ее вновь.

БАНКИР-ПРОПОВЕДИК

Как сообщает журнал «Тайм», проживающий неподалеку от Луизианы (США) пастор Сандерс на протяжении 23 лет успешно и беспрерывно совмещает эту свою профессию с обязанностями президента местного банка. Впрочем, Сандерс признает, что он все же лучший банкир, чем проповедник.

М. ПАПАВА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО

В журнале «Взгляд» напечатана новая повесть В. Смирнова «Открытие мира». Мы помним Смирнова по его предыдущей повести «Сны», тепло встреченной советской критикой и читателями. В ней рассказывалось о судьбе русской крестьянки, о том, как перепелась личная судьба героини с высоким судьбами страны, как в новой колхозной деревне из белоголовых крестьянских мальчишек вырастают новые советские люди. Уже тогда определились в повести примитивные черты писателя — взволнованность и искренность его повествования, поэтическое видение труда и быта советской деревни. И, наконец, внутренняя неуверенность автора, далекая от всякой литературной поэмы.

Все эти черты с еще большей отчетливостью проявляются в новом произведении Смирнова.

«Открытие мира» — повесть о детских годах крестьянского мальчика Шурика, выросшего в русской деревне до революции. Мы помним эту деревню по гневным и страстным очеркам и рассказам Глеба Успенского. Мы помним обличительную силу толстовской «Власти тьмы». Мы помним, наконец, мрачную безысходность букинской деревни.

В. Смирнов создает на том же материале светлую, оптимистическую вещь, своеобразный рассказ о радости жизни. Может быть, он приукрашивает, идеализирует прошлое русской деревни? Нам кажется, нет. Мы видим в произведении трудный и горький быт русского деревенского крестьянства, и тем не менее высокое жизнеутверждающее начало пронизывает всю повесть Смирнова.

Советский писатель из нашего советского колхозного «сегодня» посмотрел на вчерашний черный день русского крестьянства. Он видит и то мрачное и тяжелое, что было в жизни русской деревни до революции, то, что нам кажется правдой, повеления нам писателя прошлого. Но в то же время он уже иначе видит это прошлое. Оно лишено у него безысходного отчаяния и pessimизма.

Писатель открывает поэзию сельской трудовой жизни, радость познания, «открытие мира».

Вместе с героем — мальчиком Шуриком мы готовы с неумолимой требовательностью всматриваться в этот мир.

Сам художник влюблен в жизнь, и вся радость его восприятия заражает нас. Именно поэтому с таким волнением и интересом мы погружаемся в шурикин мир: играем в «курицу», путешествуем по лесу, делаем с тикомы, роим кладки, слушаем сказки старой бабки и т. д.

Глазами Шурика мы видим, как в полях дозревает бедноземельный и фиолетовый гроздьевый картофель, выбрасывает сильную тяжелую броню овец, молодцы распухают, амень шелковистые усы. Лен словно нечаянно обронил блеклоголубые, сморщенные лепестки.

Действительность иной раз причудливо преображается в шурикин сознании, и в ней проступают черты сказки, идущей от русского фольклора. И мы верим Шурику, что, «если идти все вперед и вперед, туда, где падает небо на землю, можно найти облако. Оно лежит на луговине, как студень, свалившийся с неба, кусочком с амбар. На вкус облако солоное, и его ночью лучше хлебают лошадкам».

Мы готовы позавидовать Шурику, возвращающемуся с покоса на высоком возу с сеном: «Он на возу, как на облаке, лежит, запылавшись, на волге и, вдыхая мятую, горькую и сладкую траву, плавает куда-то, тихо покачиваясь. Ничего нет над

В. Смирнов. «Открытие мира». «Взгляд» № 11, 12, 1947 г.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЯ ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ

ЛЕНИНГРАД. (От наш корр.) Полностью восстановлен музей Института литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. В музее открыты залы, посвященные А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Н. В. Гоголю, И. С. Тургеневу, Л. Н. Толстому, А. М. Горькому.

К 80-летию со дня рождения А. М. Горького (28 марта) музей приурочивает открытие новой экспозиции: «Горький — организатор советской литературы», «Горький — основоположник социалистического реализма» и «Последний роман А. М. Горького — «Жизнь Клима Самгина»».

ЖИВЫЕ ЛЮДИ И МЕРТВЫЕ СХЕМЫ

Роман Веры Кетинской «В осаде» посвящен героической обороне Ленинграда. Его действие начинается в августе 1941 года и заканчивается весной 1942 года.

По широте охвата событий роман выделяется из всех появившихся до сих пор произведений на эту тему.

Оборонительные бои Советской Армии и народного ополчения, первые шаги партизанского движения в оккупированных немцами районах, работа танкового завода в осажденном Ленинграде, воздушные бои в ленинградском небе, блокадные будни, Ладожская трасса, первые предостережения о бомбе на Волхов, Гихин, Мгу — такое разнообразие стороны ленинградской эпохи, изображение которой составляет содержание романа.

Люди мирных профессий, под огнем врага превращающиеся в солдат, шоферы, в морозы и метели ведущие машины по дороге жизни — Ладожской трассе, рабочие, под артиллерийским огнем в полуразрушенных лесах ремонтирующие танки, бойцы команд НВО, члены бытовых отрядов — всех этих героев обороны Ленинграда стремится автор показать в своем новом романе.

Лучшие страницы романа рассказывают о массовом героизме ленинградцев. Запоминаются сцены сооружения баррикады, волнующие картины эвакуации танкового завода на Урал, эпизоды формирования роты ленинградских протезарей, борьбы женщин и подростков с пожарами, празднование Октябрьской годовщины или встреча Нового года в осажденном городе.

Действующие лица этих эпизодов подчас даже не названы по имени, как не назван седой рабочий — боец роты ленинградских протезарей, но и в нескольких строках виден живой образ.

«Пегон подполз к седому рабочему, открывшему список добровольцев. — Куда же ты, отец, воевать собрался? Шажело будет, сердце, наверно, да и ноги...»

Вера Кетинская. «В осаде». «Взгляд», 1947 г. № 6, 7, 8, 9.

ним и вокруг него, кроме неба. Оно попрежнему недостижимо высокое, золотисто-голубое и бесконечное. Край воза обрывается, как в бездну, оттого кружится немного голова... Сизая струйка дыма отводной пипысы, не добравшись до Шурика, тает в воздухе».

Наряду с этим многоцветным, сверкающим и радостным шурикин миром в повести возникает и реальный неукрашенный мир взрослых людей. Здесь происходят страшные и непоправимые вещи: умирает от нужды и чахотки дядя Игнат, вешается разорившийся Косоуров, безземельные мужчины дерутся на барском лугу из-за покоса. В музике точно два человека сидят, по мнению Шурика: «В любом мужике словно сидела шурикина матка, надевшаяся на хорошее, доброе, и шурикин раздражительный отец, не веривший ни во что, кроме покоса».

В целом ряде портретов взрослых Смирнову удается хорошо передать атмосферу предреволюционной деревни с ее мучительными поисками выхода из этой нужды и бедности, с ее глухим, нарастающим протестом.

Лидя Рокм, Ваня Дух, пастух Сморчок, отец Шурика, его мать, Афанасий Горев — целая галерея деревенских портретов Смирнова. — все это превосходно выделенные образы, со своими характерами, повадками, речью. Если в пастухе Сморчке есть какая-то тихая мечтательность, то в дяде Рокме — огромное чувство собственного достоинства, вера в иное и возможное устройство мира, зрячая сила. Эта сила только не нашла еще своего приложения.

Запоминается и ненадолго появляющийся в деревне Афанасий Горев — крестьянин, работавший на Обуховском заводе. Он приносит в деревню новое, революционное начало. Недаром так тяготеет к нему Шурик. А когда приезжают по следам Горева жандармы, все мужчины, точно по уговору, дружно отбегиваются — не вел, мол, никаких речей Горев.

Постепенно раскрывается перед Шуриком сложный и противоречивый мир взрослых людей. Образ города Питера, который вначале рисовался Шурику, как клочок с неметными сокровищами, как место, из которого производят подарки, тоже преобразуется в споре отца с Родионом.

Отец жалуется на свою трудную жизнь, на то, с каким трудом копил он в Питере каждый грош, чтобы принести его в свое опухшее крестьянское хозяйство.

«Вот он, — как-то Питер, на самом деле. Никаких в нем приключений нет, и ружей нет, одни тулупы ши и гороховые, которые вашей гонят». Вдруг гуснеет в сознании Шурика облик отца. Совсем он не тот герой и богатырь, каким представлялся Шурику. Но все-таки непонятно, зачем он ест так немаленькую гребневую кашу, а не печенье вазом, а, главное, почему случается не дал, когда вашей гонят. Дядя Рокм хочет и трещит Шурику по белогорьему голове.

«Сыншук! — обращается он к отцу. — Александр правду-матку режет!» Но далеко еще Шурику до этой большой взрослой правды. Повесть кончается отпавшей отца на фронт. Проводив отца и наплакавшись вдоволь, «Шурика отнял у матери возжи и наматал их себе на ладошки... Лютик почувствовал твердую, мужицкую руку нового хозяина, махнул хвостом и послушно побежал рысцой».

Так кончается повесть о шурикин детстве. И, кажется, что Смирнов начал свою повесть первую книгу большого романа о крестьянском сыне Шурике. Мы хотели бы видеть его отрочество и возмужание в канун революции и юность, совпавшую с юностью Советской страны.

Восстановление музея Института литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. В музее открыты залы, посвященные А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Н. В. Гоголю, И. С. Тургеневу, Л. Н. Толстому, А. М. Горькому.

К 80-летию со дня рождения А. М. Горького (28 марта) музей приурочивает открытие новой экспозиции: «Горький — организатор советской литературы», «Горький — основоположник социалистического реализма» и «Последний роман А. М. Горького — «Жизнь Клима Самгина»».

ЖИВЫЕ ЛЮДИ И МЕРТВЫЕ СХЕМЫ

Роман Веры Кетинской «В осаде» посвящен героической обороне Ленинграда. Его действие начинается в августе 1941 года и заканчивается весной 1942 года.

По широте охвата событий роман выделяется из всех появившихся до сих пор произведений на эту тему.

Оборонительные бои Советской Армии и народного ополчения, первые шаги партизанского движения в оккупированных немцами районах, работа танкового завода в осажденном Ленинграде, воздушные бои в ленинградском небе, блокадные будни, Ладожская трасса, первые предостережения о бомбе на Волхов, Гихин, Мгу — такое разнообразие стороны ленинградской эпохи, изображение которой составляет содержание романа.

Люди мирных профессий, под огнем врага превращающиеся в солдат, шоферы, в морозы и метели ведущие машины по дороге жизни — Ладожской трассе, рабочие, под артиллерийским огнем в полуразрушенных лесах ремонтирующие танки, бойцы команд НВО, члены бытовых отрядов — всех этих героев обороны Ленинграда стремится автор показать в своем новом романе.

Лучшие страницы романа рассказывают о массовом героизме ленинградцев. Запоминаются сцены сооружения баррикады, волнующие картины эвакуации танкового завода на Урал, эпизоды формирования роты ленинградских протезарей, борьбы женщин и подростков с пожарами, празднование Октябрьской годовщины или встреча Нового года в осажденном городе.

Действующие лица этих эпизодов подчас даже не названы по имени, как не назван седой рабочий — боец роты ленинградских протезарей, но и в нескольких строках виден живой образ.

«Пегон подполз к седому рабочему, открывшему список добровольцев. — Куда же ты, отец, воевать собрался? Шажело будет, сердце, наверно, да и ноги...»

Вера Кетинская. «В осаде». «Взгляд», 1947 г. № 6, 7, 8, 9.

КОРОТКО О КНИГАХ

1. ПОД ЗНАМЕНЕМ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ. Орел, 1947 год, 258 стр. А. М. Горький неоднократно указывал, что у нас издается очень мало книг, показывающих, какие изменения произошли за годы советской власти в бывших царских губерниях. До сих пор это замечание Горького остается злободневным.

К тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции лишь в некоторых областных центрах вышли книги, освещающие эту важную тему. В числе этих городов — Орел.

Книга дает представление о превращении Орловской области из отсталой губернии в область передового, интензивного сельского хозяйства и высокоразвитой промышленности.

Главы, рассказывающие об Орловщине в прошлом, о сражениях на территории губернии во время гражданской войны, об Орловской битве в 1943 году, о героических подвигах орловских партизан в борьбе против гитлеровских захватчиков, написаны ярко, насыщенно содержательными фактами. Значительно бледнее выглядят главы, в которых речь идет о развитии промышленности, сельского хозяйства и культуры в Орловской области. Сам принцип изложения (строго по отраслям хозяйства) вызывает возражение. Материал дробится по отраслям (транспорт и связь, советская торговля, культура-просветительная работа и т. п.), целостной картины развития народного хозяйства области не получается.

Другое дело — заключительная глава «Наша область в послевоенной пятилетке». Здесь сведения суммированы и убедительно показывают, какие прекрасные перспективы раскрываются перед Орловской областью в недалеком будущем.

Сборник мог быть значительно лучше. В нем очень много статистических данных, цифровых сведений, но мало описаний, сравнений, анализа, очерков. Чувствуется, что составлялся он без участия опытных писателей.

В. НОВИКОВ

2. УКРАИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ. Детгиз, 1947 год, 157 стр. В сборник включены лучшие и наиболее доступные маленькому читателю украинские сказки.

Положительный герой этих сказок — всегда человек из народа, большей частью крестьянин, непременно бедняк, иногда батрак. Он пригож, смел, силен, бескорытен и справедлив, он защитник слабых и угнетенных, беспощаден к врагу.

Кирилла Кожемяка оставался глух к просьбам князя, но пошел на бой с лютым змеем после того, как его попросил об этом маленький дет. Плентелен образ Покатигорошка, соединяющий легендарную силу с нежностью и бескорыстием.

В некоторых сказках мы находим мотивы непримиримой розни между слугами и баринами, крестьянами и помещиком, царем и человеком из народа. Даже уду братям невозможно сговориться, если один из них богат, а другой беден («Правда и Кривда»).

Сказки о животных насыщены меткими характеристиками, полны юмора и являются увлекательным чтением для наших ребят.

Книжка составлена из произведений подлинно народных, отличающихся национальным колоритом.

Вспоминаются многие подделки под народный стиль, в частности, вышедшие в 1909 году «Малороссийские сказки», бесцеремонно приспособленные К. Л. Лукашевич к мешанинским вкусам и понятиям. Добрая половина подделки из сказки «Лощадина голова» вознаграждалась тем, что сидит, как паночка, пышно одетая, а около нее служанка да слуги ухаживают, в глаза смотрят. Лишняя сказка подлинного народного колорита, густо уснащенная неизвестными украинскими.

Украинские народные сказки, изданные Детгизом, переведены отлично, — особенно надо отметить работу Е. Благиной, которой удалось ярко воспроизвести образность оригинала.

Книжка иллюстрирована Рачевым, хорошими рисунками животных.

Детгизом намечен к изданию еще один сборник, в который войдут образцы современных украинских сказок.

Е. ГОРОДЕЦКАЯ

Советская быль и американские сказки

1. О колосе, золотом венце и клевете Геннадий ФИШ

С чего начать? С описания ли холодной зимы сорок первого года, гудящих задевших зал дворца на Исаакиевской площади в Ленинграде, или с письма безграмотного американского бизнесмена Шеффера? С рассказа о девяносто девяти тысячах посылок, отправленных ВПРом * в сорок шестом и в сорок седьмом годах через Ленинградский порт, о мечте Мичурина, воплощенной его учеником, о братской дружбе нашей с народами Югославии, о благодарном подходе ученых Ленинграда, или с рассказа о клевете на них, возведенной английскими учеными?

Во время войны английский биолог Джулиан Гексли выпустил книгу под названием «Эволюция». В этой книге он утверждает, что прогрессивная эволюция животных и растений существовала лишь в прошлом. Будущее, по мнению Гексли, бесперспективно.

Вот с этого-то Джулиана Гексли, ставшего председателем комитета по делам науки и культуры организации Объединенных наций, мы и начнем наш рассказ.

В книге своей он пишет: «Эволюцию можно себе представить, как ряд сменяющихся ветвей. Прогресс висит на одной единственной нити. Нить эта, с которой «еще не все покончено», — человеческий род. Но и человек, печально вешает буржуазный ученый, совершенно такой же, какой применяет в животноводстве для выведения лучших пород скота. О нет, он не существует фашист! Он удивился бы, если бы кто-нибудь обвинил его в фашизме. Он даже «существует» социалистическим идеям. Он полагает, что таким образом, и, пожалуй, только таким образом, легче всего было бы привести к коммунизму общество, пронизанное селянским, этноизмом, корыстолюбием. Выдавая свои слова за последнее слово науки, он утверждает, что, применяя кооперативские приемы к роду человеческого, «можно было бы получить настоящие касты и по крайней мере некоторые из них наделять альтруистическими и коллективистскими качествами». Ныне же, по мнению Гексли, природа человека не допускает ни альтруизма, ни коллективизма.

Такое это якобы научное обоснование реакционнейших платоновских утопий.

Если судить по семье самого Джулиана Гексли, то эволюция человеческого рода действительно шла в ту сторону. Дед его — Томас Гексли, соратник великого Дарвина, называл себя с гордостью «сторожевым псом дарвинизма», борцом за идею развития живой природы. А его внук провозглашает ту же эволюцию, мечтает о человеководстве и отрицает наличие в самой природе человека коллективизма и альтруизма.

Не так давно он побывал в Советском Союзе — ознакомился с постановкой дела в наших научно-исследовательских учреждениях, побывал на собраниях ученых, на юбилейной сессии Академии наук СССР и имел возможность узнать и увидеть все, что его интересовало.

Но, вернувшись в Англию, в одном из самых распространенных научных журналов — журнале «Nature» (т. 156, № 395, стр. 254—256) черным по белому он написал: «Я не имел времени узнать, что случилось с замечательной программой работ по эволюции и генетике с-х. растений, оставленных в Ленинграде, была сдана во время осады».

Так и пишет: знаю...

* Всесоюзный институт растениеводства.

Геннадий ФИШ

Коллекции семян, собранной трудами величайших советских ученых, нет в мире равной... Одних только образцов пшеницы, собранных со всех концов земного шара — из юго-западной Азии, горного Китая, Средиземноморья, Абиссинии, Южной Америки, всего Советского Союза и свыше семидесяти других стран, — в коллекции насчитывается тридцать восемь тысяч! А вместе с образцами ячменя и овса число это достигает семидесяти тысяч...

Коллекция эта имеет не только музейное значение. Это не гербарий, а живые семена — образцы, собранные в коллекции, служат исходным материалом для работы множества селекционных станций Советского Союза.

И вот эти-то несколько тонн бесценного коллекционного зерна в дни блокады сданы работниками института! Ибо как можно не верить председателю комитета по делам науки и культуры организации Объединенных наций, известному английскому биологу, который к тому же с таким «сочувствием» относится к советским ученым! Ведь он даже и не думает порицать их. Разве не вполне естественно, что голодающие люди сели единственную в мире коллекцию, если чувство альтруизма и коллективизма можно привить людям лишь в результате длительного выведения специальных людских пород?

И раз пушенная клевета пошла гулять по миру.

Биолог Харланд (о работе которого по хлопку мы писали в «Литературной газете» в статье «Освоение путем присвоения») и Дарлингтон, о котором речь пойдет потом, «сугочиную» сообщение Гексли. Они пишут: «Остатки коллекции были сданы голодающим населением». Декларация, погибла сначала лишь часть коллекции, а затем и остатки ее были сданы голодающим населением.

Сознание человеководов не может подняться до понимания подвига.

А спасение коллекции, о которой идет здесь речь, было подлинным подвигом ленинградских ученых. И если из-за скромности героев подвиг до сих пор оставался в тени, то бесстыдным клеветникам должно сделать его известным далеко за стенами дворца, в котором помещается Всесоюзный институт растениеводства.

2. О «королеве пшеницы», битве за Тихвин, самолете с семенами ион-сагзы и утерянной диссертации

На полях еще дозревают опытные селекционные, контрольные посевы, когда в город Пушкин, где находилась опытная база ВПР*, ворвались фашисты. Спасаясь от немцев, летком пришли в Ленинград сотрудники ВПР.

Среди них были худенькая старушка Евдокия Федоровна Пальмова и быстрый, живой Николай Георгиевич Хорошайлов.

Из Павловска пришел ученый Мичурин-а, остроликий и сухоощавый Тетерев.

Евдокия Федоровна всю свою жизнь отдавала науке и народу. Когда мысленно в эти дни она вспоминала свой долгий жизненный путь, ей приходило на ум, что данное ей шутливо прозвище «королева пшеницы» возникло недаром. Ведь два самых распространенных в мире сорта четвертой пшеницы — «меланопус 069» и «тередорфе 189» — выведены ею — женщиной из народа. Когда мысленно в эти дни она вспоминала свой долгий жизненный путь, ей приходило на ум, что данное ей шутливо прозвище «королева пшеницы» возникло недаром. Ведь два самых распространенных в мире сорта четвертой пшеницы — «меланопус 069» и «тередорфе 189» — выведены ею — женщиной из народа. Когда мысленно в эти дни она вспоминала свой долгий жизненный путь, ей приходило на ум, что данное ей шутливо прозвище «королева пшеницы» возникло недаром. Ведь два самых распространенных в мире сорта четвертой пшеницы — «меланопус 069» и «тередорфе 189» — выведены ею — женщиной из народа.

По это был уже январь сорок второго года. А мы оставили их в августе в Ленинграде. Там, во дворце ВПР*, в то время кипела напряженная работа. Все образцы пшениц, ячменя, овса, проса и других культур были разделены поровну на две части. Одна оставалась на складах, в блестящих жестяных продовольственных коробках, другая предназначалась для эвакуации в далекий тыл, в Понуралье, в Краснуфимск, где должен был временно разместиться институт.

(Продолжение следует)

юшей высокоурожайной пшеницы для Ленинградского области.

Теперь ее делания и поля вытопками сапогами фашистских солдат и перечерчены гусеницами немецких танков, и она, вместе с Моисеем Марковичем Якубиным, заведующим коллекциями пшеницы, только что закончившим свою диссертацию в двадцать печатных листов «К познанию рода тритикаум»*, признался готовый коллекцию к эвакуации.

— А мы никак не могли примириться с тем, чтобы ехать на восток! — рассказывал про себя, про ученого специалиста по травам Хорошайлова и про специалиста по субтропикам и цитрусам Андрея Лусса Филипп Тетерев.

Да и как он мог уезжать куда-то в даль от Павловска, от опытного питомника института, когда там оставалось сердце его, его работа для народа — деревья, которые не выкопашь, не перевезешь сразу в другое место, оставалась уже почти воплощенная мечта Мичурина, которого великий ученый незадолго перед смертью зажег зазорного комсомольца Фео Тетерева.

И вот трое товарищей поехали в военкомат, чтобы вступить добровольцами в Красную Армию. По неопытности они показали вложенные в военные билеты листки, в которых говорилось о том, что они, как научные работники, имеющие ученые степени, не подлежат призыву. Им отказали в приеме.

В следующий раз они переклещили райвоенкомат, скрыв листки-брон и вступили рядовыми бойцами в Красную Армию... Все трое стали отличными минерами и дрались на подступах к Ленинграду. Когда враг ворвался в Тихвин, стремясь захватить блокаду вторым кольцом, Тетерев, Хорошайлов и Лусс вместе со всей дивизией были переброшены на самолетах туда, где шла отчаянная бой за каждую пядь болотистой, промерзшей, лесистой и бесконечно дорогой им земли.

Там-то нам и довелось воевать вместе, в одной части оперативной группы, возглавляемой маршалом Черепиховым.

Эти бескрайние хвойные леса с ветвями, которые смыкаются над дорогой, образуя лесные тоннели! Эти болота, не замерзающие под снегом! Тоскливый вой шестиступенчатых немецких минометов! Свиристый холод, удививший с десятых чисел ноября! Бок за каждый перекресток дороги и обледеневшие буханки черного хлеба!

Нет, никогда не забыть нам, как, сокрушив немецкие части, мы устремились к Волхову через леса, через занесенные снегами болота, по бездорожью, пробывая в чаще колонные пути, влоца за собой артиллерию, совершив то, что казалось невозможным совершить человеку. Петля, захватившая Ленинград, была разорвана. В этих боях в лесах, занесенных снегом, смертью героя погиб ученый — специалист по субтропикам и цитрусам Андрей Иванович Лусс. И в декабре в Киршином — новым исходным позициям — из трех товарищей пришли только двое: Тетерев и Хорошайлов.

Трасса жизни, проложенная по льду Ладожского озера, теперь стала прифронтовой дорогой, и Тетерев с Хорошайловым могли встретить на ней полумрачных, изнеможенных от голода, прикрывающихся от ледяного ветра кусками ломкого на холоде хлеба, — своих товарищей из ВПР.

По это был уже январь сорок второго года. А мы оставили их в августе в Ленинграде. Там, во дворце ВПР*, в то время кипела напряженная работа. Все образцы пшениц, ячменя, овса, проса и других культур были разделены поровну на две части. Одна оставалась на складах, в блестящих жестяных продовольственных коробках, другая предназначалась для эвакуации в далекий тыл, в Понуралье, в Краснуфимск, где должен был временно разместиться институт.

(Продолжение следует)

* Тriticum — пшеница.

заплатован этот эпизод из жизни Чкалова! Насквозь условно и литературно описание его романа с Соней. Любимую девушку он представляет себе героиней романа Бульвер Литтона (!), обещает ей свадебную поездку в Голонгуу (!).

Единственный, кроме Каменского, серьезный офицер моряк Гладшев в романе не действует. О его мыслях мы узнаем из отрывочных записей дневника, по форме напоминающего дневник подростка, очень умного, очень хорошего, но подростка, а не зрелого командира.

Итак, Каменский оказывается единственным думающим, действующим, образованным офицером в романе. Вместо того, чтобы сделать образ главного героя типичным, писательница сделала его одиозным, наделила его чертами исключительности. Если добавить, что Каменский — офицер запаса, вчерашний учитель истории, на протяжении романа несколько раз противопоставляется кадровым офицерам, то неизбежно приходится сделать вывод, что Советская Армия изображена в романе принципиально неверно. Это может быть объяснено отчасти поверхностным представлением автора о Советской Армии, отчасти и тем, что стремление литературными приемами выдвинуть, возвысить образ главного героя оказалось сильнее правды жизни.

В. Кетинская стремится оттенить образы положительных героев контрастными образами героев отрицательных и не задумывается при этом, типична ли такая фигура, как Трубинков — председатель районского комитета, который бросил свой район и организованный в нем партизанский отряд, бежал из Ленинграда, оставив в районе семью, а в городе жену и сына. Когда Мария, не понимая еще всей глубины его падения, говорит ему о качествах русского человека, он, председатель исполкома, член партии, обрывает ее словами: «Это все лирика! Сейчас не до болтовни!» Возможен ли такой случай в жизни? Возможен. Был ли он типичен? Разумеется, нет! Однако В. Кетинская делает Трубинкова не одиозным в романе.

Капитан Каменский, мотивируя свой план наступления, говорит: «Есть такие моральные факторы, как Ленинград, как национальная и советская гордость». Начальник штаба возражает ему: «Вам надо выступать на митингах... Я же привлек говорить о военных операциях военным языком. А разговор о моральных факторах...»

— У нас Отецественная война.

— Я не думаю, чтобы это слово замедляло самолеты и танки».

Быть может, образы Трубинкова и начальника штаба случайны в романе?

Но вот рабочий райкома партии Акимов. Он убегает из партизанского отряда.

Вот студент Митя Кудряцев. Дважды встречает его Мария в первые тяжелые дни оборонительных боев, и дважды перед ней предстает человек деморализованный, растерянный, перетрусивший. Впоследствии, по воле автора, он становится отличным солдатом. Но читатель до конца романа не забывает его панического вопля: «К черту!.. К черту, уходите. Ломайте все!»

Случайные, не отобранные, а, значит, не типичные, грешащие против правды жизни детали определили изображение жизни партизанского отряда. Его руководитель — секретарь райкома партии Гудимов — плохо разбирается в людях. У Гудимова нет определенного плана действий, более того, — в глубине души он находится во власти сомнений — много ли они смогут сделать «шестидесять человек против металлических чудовищ, от которых тяжелый гул стонет идет по земле?» Не вершишь в образ этого руководителя, которого только случайная встреча с колхозниками приводит к мысли о необходимости установления связи с населением.

Адвокаты идеализма и низкопоклонства

Книга В. Г. Сахновского «Мысли о режиссуре» стала, как и следовало ожидать, предметом спора. Жаль только, что газета «Советское искусство» заняла в этом споре весьма странную позицию, взяв на себя неблагоприятную задачу защиты идейных ошибок В. Г. Сахновского от справедливой и принципиальной критики.

Уважение к памяти крупного режиссера, немало сделавшего для развития советского театра, требует от нас не приукрашивания слабых сторон его посмертно вышедшей книги, а объективной и принципиальной оценки.

Достоинства книги В. Г. Сахновского очевидны. Как и было признано в моей статье («Литературная газета» от 14 января 1948 г.), это во многом интересная, живая, творческая книга. Первая заслуга В. Г. Сахновского состоит в том, что он рассматривает режиссуру, прежде всего, как самостоятельную художественную. В. Г. Сахновский показывает, как настоящий режиссер становится подлинным автором спектакля, отбрасывая при этом ставя себя ни драматурга, ни актера.

Чрезвычайно интересны, хотя и не бесспорны, размышления автора книги о композиции, стиле, образе, жанре спектакля. Разногласия эрудиция автора, несомненный литературный дар, влюбленность в свою профессию — все это умножает достоинства последнего труда В. Г. Сахновского.

Однако книге В. Г. Сахновского свойственны крупные идейные ошибки. Эти ошибки не были отмечены во вступительной статье редактора книги Н. Горчакова. Они не были подвергнуты критике в статье В. Комиссаревского «Режиссер-художник» («Советское искусство» от 27 декабря 1947 г.). Эти ошибки, наконец, были взяты под защиту в статье Л. Малюгина «Честность и принципиальность — обязательны» («Советское искусство» от 17 января 1948 г.).

Что это за ошибки? Во-первых, аподитичность и уходение от проблемы советского воплощения современности. Во-вторых, идеалистическое объяснение ряда вопросов художественного творчества. В-третьих, явное пренебрежение, которое автор книги отдает изобразительному искусству Запада перед отечественным изобразительным искусством.

Книга В. Г. Сахновского является теоретическим отражением того самого пренебрежения к современной теме, которое было так резко осуждено в известных решениях ЦК ВКП(б).

В. Г. Сахновский нигде не говорит о театре, как об оружии в идейной борьбе, в коммунистическом воспитании народа. Не говорит он об этом потому, что сам был далек от понимания партийности искусства.

В. Г. Сахновский нигде не говорит о необходимости для советского режиссера овладеть марксистско-ленинским мировоззрением. Не говорит он об этом потому, что сам был далек от философии марксизма.

К решению целого ряда проблем художественного творчества он подходит с идеалистических позиций. В. Г. Сахновский утверждает, например, что «в искусстве спор должен быть постоянно именно потому, что художником изображен мир, как он его видит». Развивая эту свою мысль, автор ссылается на импрессионистическую картину Клода Моне «Улица», в рисунке которой, по его собственному признанию, «ничего не соответствует форме, известной нам из природы». Таким образом, мир, каким его видит художник, противопоставляется миру, каков он есть. Это ли не идеализм чистой воды?

Методологические ошибки, допущенные В. Г. Сахновским, ясны каждому, кто оценит книгу с партийных, марксистских позиций. Почему же Л. Малюгин, признав в своей статье, что «есть в книге спорные положения, субъективные оценки, даже противоречия», не пожелал вступить в спор с автором книги, а избрал, если воспользоваться, по его примеру, юридической терминологией, адвокатскую позицию?

Неудачному путаницу вносит статья Л. Малюгина в крайне важный и достояние оспы вопрос о проявлениях низкопоклонства перед Западом. Фактически его статья, пытающаяся всячески дискредитировать критику проявлений низкопоклонства, является выражением настроений отсталой части нашей интеллигенции, не понимающей всей политической важности борьбы, которую ведет наша партия против пренебрежения перед западной культурой в ущерб культуре отечественной.

«Мы должны непримиримо и последовательно бороться», — пишет Л. Малюгин, — «низкопоклонством перед западной культурой, которое имеет глубокие корни». Действительно, самый факт появления статьи Л. Малюгина показывает, что низкопоклонство «имеет глубокие корни». Сразу же после своей декларации о том, что «мы должны непримиримо бороться...» и т. д., Л. Малюгин вопрошает: «Но значит ли это, что мы должны изолироваться от всей мировой культуры?!» Вопросительный и восклицательный знаки должны здесь, по моему мнению, передать всю силу негодования автора. Успокойтесь, тов. Малюгин. Никто, насколько нам известно, не связывал и не собирается связывать борьбу против низкопоклонства с призывом изолироваться от всей мировой культуры.

Н. ГРЕКОВ

Впрочем, вы сами это прекрасно понимаете, и все ваше деланное негодование призвано лишь подменить вопрос о борьбе с низкопоклонством вопросом об освоении мировой культуры и об уважении к классическому наследию. Подобная подмена одного вопроса другим представляет собой негодную попытку опорочить принципиальную критику конкретных проявлений низкопоклонства.

Следующий демагогический прием тов. Л. Малюгина заключается в том, что он нарочно сводит вопрос о низкопоклонстве только лишь к преклонению перед современной буржуазно-мещанской культурой. Известно, между тем, что проявления низкопоклонства многообразны, и, в частности, они сказываются в демонстративном пренебрежении западной культуры и игнорировании культуры отечественной.

Об этом и шла речь в моей критической статье о книге В. Г. Сахновского «Мысли о режиссуре».

Л. Малюгин пишет: «Греков обвиняет Сахновского в низкопоклонстве только на том основании, что тот упоминает иностранных художников». Но ведь это грубая, бесперомная передержка! На самом деле в статье говорится: «Особенно досадно, что русский режиссер в своей книге, обращенной к советской молодежи, неизменно ищет образцы подлинного искусства только в западной живописи, только в западной архитектуре».

Каждый, кто внимательно и беспристрастно прочел книгу В. Г. Сахновского, согласится с тем, что этот упрек вполне обоснован и справедлив.

Каждый раз при решении проблем режиссуры автор обращается исключительно к западным художникам. Идет речь о профессии режиссера, — автор заговаривает о пейзажах Якоба Рейсдаля. Определяется стиль спектакля, — автор вспоминает о батальной живописи Бурджиньо. Разрешается проблема композиции спектакля, — автор привлекает оферты и гравюры Пирамези. Заходит разговор об образе спектакля, — автор подкрепляет свою мысль рассуждением об импрессионизме Моне. Затрагивается проблема сценических жанров, — автор начинает главу с описания садов Ленотра. Примеры этого рода можно было бы продолжить.

Самой собой разумеется, что нет ничего предосудительного в самом факте привлечения примеров из западной живописи: это лишь расширяет культурный кругозор читателей. Но не может не вызвать у читателя законного недоумения то обстоятельство, что автор книги фактически пренебрегает великой русской школой живописи. Он ни разу, если не считать безгласных упоминаний о Врубеле и Репине, не пожелал обратиться за подтверждением своих мыслей об искусстве к великим русским художникам. Неужели и впрямь в русской живописи не нашлось бы материала для размышлений о стиле, композиции, образе, жанре и т. п.? Все это тем более досадно, что В. Г. Сахновский отлично знал русское искусство.

Бесперомно приписывая автору статьи, помещенной в «Литературной газете», вульгарные и примитивные взгляды, придуманные самим тов. Л. Малюгиным, последний пишет: «Если следовать примитивным взглядам Грекова, то в низкопоклонстве можно обвинить посетителей музея им. Пушкина в Москве и Ленинградского Эрмитажа». Какой вздор! Но что бы вы, однако, сказали, тов. Малюгин, о человеке, который настоятельно уговаривал бы вас познаться с богатствами музея им. Пушкина и при этом упорно умышленно не нашлось бы в Москве существует Третьяковская галерея?

В моей статье отмечалось, что В. Г. Сахновский, перечисляя выдающиеся образы, созданные великой русской актрисой Ермоловой, не называет ни одной ее роли в русском репертуаре, в частности, в пьесах Островского. Л. Малюгин и тут берет под защиту непростительное игнорирование русского национального искусства. При этом он не останавливается даже перед прямым извращением истории. «Об уровне знания театра Грековым», — пишет он, — свидетельствует хотя бы тот факт, что, по его утверждению, Ермолова потрясла сердца зрителей своим исполнением роли Катерины из «Грозы» Островского. Каждый студент театрального института мог бы разяснить Грекову, что роль Катерины была одной из самых неудачных у Ермоловой. Она сыграла эту роль в срочном порядке, заменив заболевшую актрису».

Нужно сказать, что это просто клевет на наших студентов! Мы не знаем, кто именно из студентов театрального института поведает Л. Малюгину приведенные им сведения о Ермоловой в роли Катерины, но сомневаемся в том, что студент этот получил бы двойку по истории русского театра от самого снисходительного профессора.

Профессор раз'яснил бы незадачному студенту, что Ермолова многие годы готовила роль Катерины и еще в школе выучила эту роль. В журнале «Будильник» в 1873 году была даже помещена картина, изображавшая М. Н. Ермолову с «Грозой» в руках и целый сонм старших исполнительниц роли Катерины, которые, навалившись на дверь, не пускали молодую

актрису на сцену. 10 июля 1873 года, когда заболела (по другим данным — выехала из Москвы) Г. Н. Федотова, двадцатилетняя Ермолова после трех репетиций была введена в спектакль и впервые сыграла роль Катерины. И это Л. Малюгин называет «сыграть роль в срочном порядке!»

Первое исполнение роли было далеко не последним. Ермолова играла эту роль много лет подряд в очередь с Г. Н. Федотовой и рассталась с ней только тогда, когда, по ее собственным словам, стала замечать, что роль делается уже тяжелой, что уже не хватает восторга и чистоты молодых чувств.

Первый биограф актрисы пишет, что роль Катерины «давала большой простор для исключительно сильного артистического темперамента великой артистки, для скорбного экстаза, и отдельные моменты исполнения проносили впечатление чрезвычайное, потрясли зрителей» (см. книгу М. Лучанского «Ермолова», стр. 20).

Г. Гоан в своей монографии «Глинерия Федотова» признает, что «силой своего трагедийного дарования Ермолова в целом превзошла Федотову в роли Катерины» (стр. 133). В другом месте он говорит, что «Ермолова потрясла театр в последних сценах «Грозы»» (стр. 138).

Т. Л. Шенкина-Гузенник пишет в своей книге о М. Н. Ермоловой, что «в ранней юности своей она любила «Грозу» и, если судить по отзывам газет, играла ее прекрасно».

Таким образом, утверждение, что Ермолова в роли Катерины потрясла сердца зрителей было вполне обоснованным, а Л. Малюгин, поторопившийся уличить меня в невежестве, сам проявил, мигмо говоря, крайнюю неосведомленность в истории русского театра.

Хуже всего, однако, то, что Л. Малюгин, одним взмахом пера вычеркнув из истории русского театра такое знаменательное явление, как Ермолова — Катерина, фактически поддерживает всех тех, кто пытается изобразить М. Н. Ермолову, сыгравшую в пьесах Островского 18 ролей, актрисой исключительно иностранного репертуара, кто хотел бы противопоставить великую русскую актрису великой русской драматургии.

Весьма своеобразный способ цитирования применяет Л. Малюгин в своей статье. Так, например, он в доказательство того, что Сахновский «выступает в своей книге не только страстным и последовательным пропагандистом русского искусства, но и открыто полемизирует с современным западным театром», приводит большую цитату из книги и в том числе такую фразу: «Как интересно... посмотреть произведения Греко или Бернини!» Многозначно, как известно, обозначается пропуск в цитате. Не подумайте, однако, что Л. Малюгин сделал купюру в цитате из соображений экономии места: пропущено им всего три слова. У Сахновского сказано: «Как интересно поехать по Европе и посмотреть произведения Греко и Бернини!» Что же вы, тов. Малюгин, убоялись привести слова «поехать по Европе»? Видно, не очень-то вы сами уверены в своей правоте, если решаетесь в полемической статье на такие трусливые купюры.

Главный свой козырь Л. Малюгин приберег к концу статьи.

«Наконец, самая грубая ошибка Грекова», — торжествует Л. Малюгин. — Он (Греков) цитирует высказывание Сахновского о Станиславском: «колоссальный опыт, накопленный до него в европейском театре, был им переработан и закреплен в ряде постановок и в сформулированной им системе работы с актерами». На основании этого высказывания Греков пишет: «Позволительно ли так превеличивать влияние европейской режиссуры (уж не мейнингенцев ли!) на Станиславского? С каких это пор Россия — не Европа, русская культура — не европейская культура? Видно, Греков считает Россию — азиатской страной, а русскую культуру — азиатской культурой. Это — ошибка не только географическая, но и политическая».

Петрудо убедиться в том, что вся эта цель силлогизмов покоится на весьма шатком основании. Когда Сахновский пишет о европейском театре, он имеет в виду театр западноевропейский и не включает в это понятие русский театр. Он, например, пишет в своей книге о «бательном жанре, имевшем в прошлом европейского и нашего театра ряд блестящих образцов». Характерно, что он пишет не «в том числе и нашего», а именно «и нашего».

Следовательно, у меня были опять-таки все основания упрекнуть Сахновского в превеличании влияния иностранной режиссуры на творчество Станиславского и в том, что он «обходит предшественников Станиславского на русской сцене».

Безусловно, непонятно пренебрежительное высокомерие, с которым тов. Л. Малюгин говорит об азиатской культуре. Что же касается политики, то умалчивать о достижениях русской культуры и только полемизировать их в упоминаниях о культуре европейской, но напому убеждению, — дурная, вредная, непартийная политика.

Выступление «Советского искусства» в защиту серьезных идейных ошибок книги В. Г. Сахновского является не чем иным, как попыткой дискредитировать критику идеалистических извращений и проявлений низкопоклонства перед западной культурой.

В Союзе советских писателей

Состоялось отчетно-выборное собрание секции прозы Союза писателей. После доклада Константина Федина, рассказавшего о годовой работе секции, развернулись прения, в которых приняли участие Н. Атаров, С. Злобин, А. Чаковский, Л. Субоцкий, О. Черный, Л. Лагин, М. Чарный и Ф. Левин.

Избрано новое бюро секции, в состав которого вошли: Коист. Федин (председатель), Ю. Либедянский, К. Паустовский (заместители председателя), А. Чаковский (ответственный секретарь), Н. Атаров, М. Бубеннов, Н. Емельянова, Е. Златова, Э. Казакевич, Л. Лагин, Т. Семушкин, А. Тихонов, Ген. Фиш, М. Чарный и М. Шагинян.

Собрание секции научно-художественной литературы Союза писателей, состоявшееся 23 января, было посвящено памяти писателя, ученого и общественного деятеля В. Арсеньева.

О встречах с автором «Дерсу Узала», о его месте в советской художественной литературе рассказали М. Пришвин, посетивший Арсеньева свою повесть «Жень-Шень», Н. Емельянова, В. Индин, И. Рахманов, В. Шкловский, Н. Михайлов и другие.

В заключение было прочитано три неопубликованных рассказа В. Арсеньева.

ПИСАТЕЛИ-ДЕПУТАТЫ

С большим подъемом прошли выборы в областные, городские и районные Советы депутатов трудящихся в братских республиках Советского Союза.

Шесть писателей избрано в местные Советы депутатов трудящихся Армении. Депутатами Ереванского городского совета избраны ответственный секретарь Союза писателей Армении прозаик А. Сирац, поэт-репатриант из Ираны Ованес Укясян, поэт-репатриант из Греции Ваган Тагасян.

Депутатами районных советов Еревана избраны переводчица А. Тадеусян, поэтесса Р. Погосян, Молодой прозаик А. Овсепян избран депутатом Ленинканского горсовета.

В Эстонской ССР в Таллинском городском совете избраны писатели Эд. Пяльд, А. Якобсон, Р. Руммо, Р. Парва, О. Томминг и Э. Хирп.

Труженицы Туркмении избрали депутатами в местные советы писателей Халдуллы Дурдыева, Базара Амамова, Ата Кахрутза и народного шахира Ата Салиха.

Индюк на приеме у Гарри Трумэна

Перед нами фотография, не лишенная грациозности и интереса. Президент США Гарри Трумэн и его друзья — министр сельского хозяйства Андерсон, директор «Национальной федерации по разведению индеек» Тревер Джонс и президент той же птичьей федерации Альберт Матлэк предаются невинным развлечениям. Их прескромнителя спавняют индюка, вероятно, с целью выяснения его лояльности. Или, быть может, фотограф запечатлел сакраментальный момент постановки научного опыта? Но судя по выражениям лиц престарелых натуралистов, они просто забавляются.

Впрочем, пылкий индюк вполне доволен своей компанией.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

Альбом «А. Островский в портретах и иллюстрациях» готовит Училище К 125-летию со дня рождения А. И. Островского.

Обычный раздел альбома посвящен выдающемуся актеру, игравшим в пьесах Островского.

О Радноальманах, посвященный жизни советского Севера, начал регулярно выпускать Мурманский областной радиокомитет. В работе альманаха принимают участие писатели Захарьяев, А. Игунов, Б. Демин, Г. Чернов, А. Гулин, Н. Кулаков, И. Попов, А. Шевцов, Н. Вукун и другие.

Выставка произведений В. И. Сурикова, находящихся в частных коллекциях — премущественно у дочери великого русского художника О. В. Кончаловской, открылась в выставочном зале Союза советских художников. В экспозицию включено 180 произведений живописи, акварели и рисунки. Большинство из них — этюды к большим историческим картинам Сурикова.

Лучшие художественные произведения для детей получили премии на конкурсе, органи-

зованном Союзом советских писателей, Министрством просвещения и обкомом комсомола Марийской АССР.

Премия в размере 4000 рублей присуждена поэту Николаю Кабанову за поему «Мы были в Москве». Почетный диплом присужден в Москве за картину «Отличные сеченики», Галина Гудкова — лучшей работнице, Николаю Занковскому — токарю, выполнявшему в 1947 году две годовые нормы, а также десятку других. Но когда комсомольцы бумажного отдела обратились к руководителям комбината с просьбой создать комсомольско-молодежную смену, которая пошла бы в авангарде производства, эта центральная пицциниста на месяц застряла где-то в административных дебрях.

Начинается разговор о культуре... В клубе комбината танцы под духовой оркестр заменяют и лекции, и читательские конференции, и лекционные вылазки. Библиотека художественной литературы на комбинате насчитывает... 200 книг. Спортзал клуба — единственный в городе... второй год занят под общежитие. Много справедливых упреков было высказано по адресу дирекции, партокома и фабкома комбината.

Выслушав все эти жалобы, мы вправе задать вопрос секретарю горкома комсомола тов. Соловьеву: «Почему вас, тов. Соловьев, не беспокоит судьба сотен молодых производителей, предоставленных самим себе?»

Аналогичный вопрос следует задать и руководителю Вологодского обкома ВЛКСМ. Ведь от Сокола до Вологоды не так уж далеко: по железной дороге всего пятьдесят минут езды.

На комбинате имени В. В. Куйбышева в течение года сменилось три секретаря комитета комсомола. Но, пожалуй, менять здесь нужно не секретарей. Надо изменить стиль работы.

Наша бригада пробыва на комбинате имени В. В. Куйбышева один месяц. Мы нашли там много друзей, видели много нового.

Мы выступили на комбинате, совместно с редакцией областной газеты «Красный Север», десять номеров листовки «Больше бумаги Родине!». К нам шли стахановцы, рационализаторы — мечтавшие в ватниках, мастера в гимнастерках без погон. Стахановка Мария Васильевна Беляева, о которой речь шла выше, — простая русская женщина, принесла нам небольшую статью. С исключительной простотой и ясностью построила старая работница свое выступление. Причины неполадок она сгруппировала, разобрала, как говорит, по коточкам, затем перечислила условия, необходимые для производственной победы.

Метельной январской ночью сами уносили нас из города Сокола на станцию. На водопапорной башне ярко сияла красная звезда — стучный план был выполнен! Мы почувствовали, что эту звезду закалили вместе с рабочими и инженерами и мы и дурались еще вот о чем: трудно, очень трудно дается каждый процент выполнения плана выпуска бумаги. Прежде чем появиться на нашем письменном столе или в печатном пехе типографии, бумага проходит долгий путь, сопряженный с великими трудностями и затратами тысяч людей. И когда наносишь слово на бумагу, нужно помнить о мастерах, которые эту бумагу делают, — ведь мастера эти помнят и думают о нас, работают для нас.

После всего этого мы перестали беспокоить тов. Беляева вопросами о жизни комбината.

Разговор с комсомольцами

Было у нас с молодежью комбината разговор по душам. После первых выступлений стало ясно, что комсомольцами никто

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ, Б. ЛАСКИН, Л. ОШАНИН, Я. ШАШИН, К. СОЛОДАРЬ, А. НАТОЛЬСКИЙ, Комбинат имени В. В. Куйбышева, г. Сокол, Вологодской области.

Он с ними не знаком...

Однажды вечером собрались старые рабочие комбината — мастера, оберсеченики, электротехники, варшники. Многие из них проработали по 35 — 40 лет в Соколе на комбинате, которому в этом году исполняется полвека.

Нам хотелось выяснить все тот же вопрос — что нужно сделать, чтобы вывести комбинат из провала, вернуть ему былую славу? Разговор пошел сердечный, хороший. Немало правдивых слов услышали директор и главный инженер комбината.

По началу этот вечер так, как не следовало бы ему начинаться. Встал из-за стола секретарь партокома Д. Беляев, встал, чтобы представить нам старших товарищей по работе, многие из которых — коммунисты.

— Вот сидит один из наших главных ветеранов, — сказал тов. Беляев, — это любимый всеми нами Святков Петр Иванович...

— Иван Андреевич, — поправил секретаря кто-то из присутствующих.

— Он работает на комбинате уже 25 лет, — не смутившись продолжал тов. Беляев.

По тут вмешался уже сам Святков, смущенно прибавив:

— Тридцать семь, тридцать семь лет, товарищ секретарь.

Всем стало неловко и обидно. А дальше выяснилось, что сосед Святкова — Иван Николаевич Вьюшка, проработавшего на комбинате 25 лет, — тов. Беляев не знает даже по фамилии. Не мог назвать он и старую работницу, — к тому же свою однофамилицу — Марию Васильевну Беляеву. А ведь она, кроме всего прочего, несет серьезную партийную нагрузку: редактор лучшей цеховой стеногазеты комбината.

Как же все это могло случиться? Может быть, тов. Беляев человек новый на комбинате? Оказывается, нет — он много лет работает в «Соколе» и именно на партийной работе.

Не только фамилий старых рабочих не знает секретарь партокома. Когда на комбинате из-за поломки несложного конвейера-щепочного остановились бумажные машины, один из членов нашей бригады обратился к Беляеву с вопросом: «Почему вышел из строя щепочник, кто в этом виноват?» Тов. Беляев очень спокойно ответил: «Не знаю».

Три или четыре часа простоя его не взволновали, не заставили поинтересоваться, в чем дело.

После всего этого мы перестали беспокоить тов. Беляева вопросами о жизни комбината.

Узбекистан и Туркменистан готовятся к юбилею В. Г. Белинского

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.) В столице Узбекистана развернулась подготовка к столетию со дня смерти В. Г. Белинского. В этом году его произведения впервые издаются на узбекском языке. Сборник избранных сочинений великого русского критика, выпускаемый Узгосиздатом, открываете статьи о жизни и творчестве В. Г. Белинского. Книга выходит под редакцией М. Айбека и М. Шейх-Зада.

В Государственной Публичной библиотеке им. А.М. Горького и в других библиотеках Ташкента организуются выставки, иллюстрирующие путь гениального мыслителя и его влияние на развитие русской литературы.

АШХАБАД. (От наш. корр.) Для подготовки и проведения юбилея В. Г. Белинского в Туркменистане Совет Министров ТССР учредил юбилейный комитет, в состав которого вошли туркменские ученые, писатели, руководящие партийные и советские работники республики.

Состоялось первое заседание Республиканского юбилейного комитета.

Принято решение провести в июне в Ашхабаде и в областных центрах Мары, Чарджоу, Красноводске и Ташаузе торжественные заседания, посвященные памяти В. Г. Белинского. В аульных и городских шко-

лах, клубах, библиотеках и домах культуры организуются литературные вечера, беседы о жизни и творчестве великого русского критика.

Литературный журнал Союза писателей Туркменистана «Совет Едыбаты» в очередных номерах и в июньской книге дает ряд статей Белинского на туркменском языке, библиографические материалы, статьи о значении творчества Белинского для нашего времени. Сборник переводов избранных произведений критика обком в 8 печатных листов выпустит к юбилею Туркменсоздат. В сборник войдут: статьи о Пушкине, «Взгляд на русскую литературу» (1847 г.), письмо Белинского к Гоголю и др.